

ПРЕОДОЛЕНИЕ РАБСТВА

ФОЛЬКЛОР И ЯЗЫК
ОСТАРБАЙТЕРОВ

1942

1944

Lagerausweis Nr. 4-5

Name: Schetchenko

Vorname: Nellja

Werk: Turmstraße

Abt.: 43/978

SIEMENS & HALSKÉ
AKTIENGESELLSCHAFT

Wiemersk R. Borsb Oms
Gemeinschaftlager Tisa

Unterschrift

8887

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ
И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «МЕМОРИАЛ»

ПРЕОДОЛЕНИЕ РАБСТВА

ФОЛЬКЛОР
И ЯЗЫК
ОСТАРБАЙТЕРОВ

1942

1944

«ЗВЕНЬЯ»

МОСКВА

1998

Составление и текстология Б.Е. Чистовой и К.В. Чистова

Издательская программа Общества «Мемориал»

Редакционная коллегия:

А.Ю. Даниэль, Л.С. Еремина, Е.Б. Жемкова, Т.И. Касаткина, М.М. Кораллов,
Н.Г. Охотин, Я.З. Рачинский, А.Б. Рогинский (председатель)

Издано при содействии Фонда Генриха Бёлля,
Генерального консульства ФРГ в Санкт-Петербурге
и Ассоциации «Дорога свободы»

За постоянную помощь в реализации проекта
составители приносят благодарность журналу «Штерн»

Фотоиллюстрации взяты из Архива НИПЦ «Мемориал»

Родное слово поддерживало дух

Таинственная история сборника «Преодоление рабства» сама по себе повод для размышлений и домыслов. В годы войны среди нацистов находились те, кто сохранял человечность и видел в советских людях не врагов, а терпящих бедствие безвинных заложников, жертв войны. В 1996 г. мне показали серию рисунков немецкого художника-солдата Бертельсмана. Под Ленинградом, в Тайцах, он рисовал жителей этого поселка. Его портреты, написанные в 1941–1942 гг., полны симпатии к этим девушкам, крестьянкам, крестьянкам. Их лица — красивые, добрые, мужественные, это не низшая раса; он открывает для себя в России народ, достойный уважения. Нам удалось организовать выставку его рисунков в Тайцах, в Гатчине, и потомки тех, кого он рисовал, тоже сделали открытие: оказывается, не все немецкие солдаты были гитлеровцы, были среди них и человечные, с незамутненным взглядом, с душой, готовой к сочувствию, пониманию.

Наверное, то же чувство двигало безвестным цензором, что исподволь выписывал цитаты из бесчисленного потока писем остарбайтеров.

Собрание выписок — ценное приобретение фольклористики. Об этом подробно и хорошо рассказано во вступительной статье известного ученого Кирилла Чистова.

Мне же, как читателю, книга эта рассказала совершенно по-иному, чем вся литература, о фашистских лагерях, о жизни в плену, о бедствиях наших пленных и угнанных на работы в Германию. В ней нет ничего о том, что там творилось. Я обнаружил здесь самые сокровенные, обычно скрытые от окружающих переживания, тихие печали, тоску, отчаяние одиночества покинутых сердец. О том, как робко умирают любовь и надежда. И все это не впрямую, а через простодушные словесные штампы того времени, песенки, альбомные «стишки», «стишата».

Когда-то они бытовали как пошлые штампы, знаки любовных признаний, от которых давно осталась рифмованная пустышка, фальшивая стекляшка. Но тут, в письмах из немецких лагерей, эти признания читаются иначе. Унизитель-

ные условия плена, по сути каторги, превращали чужие слова в собственные, в них стонет личное несчастье, подлинная судьба. Сквозь альбомную игру, игривость вдруг прорывается вопль — не забудь, я была, я еще есть, сохрани память обо мне, о нашей любви!

Пишу тебе рукой дрожащей,
Чтоб через много скучных лет
От жизни краткой и мятежной
Какой-нибудь остался след.

Цитаты меняют свой облик, искажаются страданием одиночества на чужбине. Хочется сохранить через кого-то связь с родиной, с отнятой свободой.

Слабый свет надежды порождает ощущение брэнности жизни.

Они однообразны, эти песни, надписи, стихи, но своим повтором, массой усиливают впечатление.

Подневольный труд, бесправие, животная, голодная жизнь, издевательства надсмотрщиков, ощущение беспомощности — все в существовании остарбайтеров должно было превращать их в бессловесных рабов. И все же они оставались людьми, может, страдания даже возвысили их чувства, их любовь, воспоминания. Человечность не умирала. Стремление к свободе жгло; родное слово — русское, украинское, польское — поддерживало дух. Через десятилетия безыскусное слово это все же дошло до нас:

Если жить нам вместе не придется,
Если судьба уж так жестока,
То пускай на память остается
Неподвижная личность моя.

(Надпись на фотографии)

Поразительно, как эта «неподвижная личность» проби-лась к нам, сколько совместных усилий немецких и российских ученых понадобилось и как соединились в этой книге надежды — те, что сбылись, и те, что не сбылись. Станный, трогательный памятник безвестным авторам и памятник живучести народного слова.

Даниил Гранин

Обретение памяти

Судьба — большое слово. И все же правозащитному Обществу «Мемориал» и Фонду Генриха Бёлля, похоже, именно судьбой было предназначено совместно начать распутывать трагический клубок жестокости и виновности совместной же истории. Лучше всего, разумеется, начинать с наиболее замалчиваемой главы. Однако это не было нашим свободным выбором.

Все началось с недоразумения. Осенью 1989 г. делегация Фонда Генриха Бёлля и партии «зеленых» встретила в Москве с лауреатом Нобелевской премии мира Андреем Сахаровым, который тогда был председателем Общественного совета «Мемориала». Сахарова просили помочь найти оставшихся в живых бывших оstarбайтеров, угнанных в Германию во время второй мировой войны. Во время одной из пресс-конференций бывших оstarбайтеров попросили писать в «Мемориал» или в Фонд Генриха Бёлля, рассказывать о своей жизни. Последствия этой просьбы оказались неожиданными. Уважаемая и популярная в Советском Союзе газета «Неделя» опубликовала классическую «утку». Она сообщила, что немецкие «зеленые» выразили готовность выплатить компенсации бывшим оstarбайтерам.

Ответом стали более 400 000 писем, они продолжают идти и сегодня. В основном это краткие описания нелегких судеб, часто просто заполненные бланки анкет, составленных региональными отделениями «Мемориала». Но все же приблизительно в каждом двадцатом письме были фотографии, документы, подробные описания. Пять процентов — это 20 000, огромное число жизненных историй и судеб, все похожи, и каждая единственна и неповторима.

По счастью, поток писем шел не только в одном направлении. С самого начала интерес был обоюдным и многогранным. После первых шквальных лет сегодня через шлюзы «Мемориала» и Фонда Генриха Бёлля в обоих направлениях текут, может быть, не столь мощные, но постоянные потоки. Инициативные группы в немецких городах и общинах ищут оstarбайтеров, открывая для себя таким образом эту страницу

своей истории. Кто-то ищет конкретных людей, которых узнал и к которым привязался более пятидесяти лет назад. Одни хотят встретиться, другие ищут возможности помочь, снимая с себя таким образом толику вины. Дети и внуки виновников ищут жертв своих отцов и дедов.

Немецкий философ Карл Ясперс уже в 1946 г. высказал то, что многие годы спустя подвигнет следующие поколения немцев обратиться мыслями и чувствами к вине своих отцов: «Я прежде всего человек, в частности, я фрисландец, я профессор, я немец, я близко, до слияния душ, связан с другими коллективами, ближе или отдаленнее со всеми группами, которые мне встречались. Благодаря этой близости я могу в какие-то мгновения чувствовать себя почти евреем, или голландцем, или англичанином. Но внутри этого данность немецкости, то есть, в сущности, жизнь в родном языке настолько сильна, что каким-то рационально непостижимым, рационально даже опровержимым образом я чувствую и себя ответственным за то, что делают или делали немцы».

Если немцы думают прежде всего о своей вине — личной, родовой или моральной, а также об искуплении, то есть, разумеется, и о том, как испросить прощения, как освободиться от бремени вины, — то интересы остарбайтеров часто конкретнее. Они ищут помощи и признания. Признания своих страданий и тем самым признания себя как личностей. И то и другое почти невозможно без документов, которые свидетельствовали бы о годах неволи и подтверждали их невиновность перед российским государством и российским обществом. Это документы, которых у многих нет или никогда не было, потерянные за прошедшие годы или конфискованные «компетентными органами». Остарбайтеров, вернувшихся после войны с Запада, подозревали в сотрудничестве с врагом. А быть подозрительным в те времена почти означало быть виновным.

Советско-большевистская пропаганда выполнила свою задачу. Остарбайтеры стали подозрительны не только для «органов», но и для сограждан.

За семьдесят лет социалистического строительства в Советском Союзе историю сделали точной наукой. Ее формулы и аксиомы не нуждались более в доказательствах. Так возник государственный эпос, всемогущая официальная истина, которая беспрерывно распространялась и тиражировалась и которая при смене руководства претерпевала лишь незначительные модификации. Все находящееся вне пределов этой

истины предавалось забвению, — не только личные опыт и воспоминания, но и имена многих, кто в свое время играл значительную роль, вопросы, проблемы, мысли, идеи, которые еще недавно возбуждали самые горячие споры. Коллективно управляемая память совершенствовалась коллективное забвение.

Только с начала эпохи «самиздата» отдельные небольшие группы людей начали противопоставлять свое понимание истории сиюминутной официальной версии. Сборник «Память», подпольно подготовленный в СССР и вышедший на Западе в 1978 г., ясно и четко сформулировал свою цель: «Спасти от забвения все обреченные ныне на гибель, на исчезновение исторические факты и имена, и прежде всего имена погибших, затравленных, оклеветанных, судьбы семей, разбитых или уничтоженных поголовно».

Однако проблемы остарбайтеров не привлекли внимания советских диссидентов. В Германии же, хотя и не было запретов, было удобнее не отягощать себя мыслями о жертвах с Востока, чьи государства по своим соображениям отказались и от памяти, и от компенсации. Лишь немногие вступили в диалог с собственной совестью, подчинились зову осознанной вины.

Большинства тех миллионов остарбайтеров уже нет в живых, но многие еще живы. Только в последние годы они получили возможность рассказать о себе. Не только запреты или осторожность мешали им делиться воспоминаниями о том страшном времени. Укоренилось общественное презрение, позорное пятно замутняло самую память. Даже сегодня выжившие рассказывают о себе порой со слезами — слезами страха перед разоблачением — и часто с условием сохранения их имен в тайне. Для них не нашлось места ни в исторических трудах, ни в школьных учебниках, ни в словарях. Миллионы сомнительных, миллионы подозрительных людей.

Поэтому перед нами с самого начала стояла двойная задача: помочь — и возратить из забвения; облегчить участь людей — и помешать повторению. За семь лет нам удалось помочь многим людям найти друг друга. В сотрудничестве с «Международной поисковой службой» в немецком городе Арользене или с помощью непосредственно местных администраций в Германии удалось отыскать для бывших остарбайтеров необходимые документы, подтверждающие факт принудительного труда. По инициативе и под давлением «Мемориала» бывшие остарбайтеры были включены в компен-

сационную программу фонда «Взаимопонимание и примирение», который выплачивает бывшим жертвам преступлений нацизма единовременные пособия из средств, выделенных для этой цели правительством Германии и составляющих в общей сумме один миллиард марок.

Конкретная помощь была и остается важной. Самым молодым из оставшихся в живых остарбайтеров, этим «жертвам двух диктатур», сейчас около семидесяти лет. Чтобы помочь им, нужно действовать немедленно. Но для нас, последующих поколений, не менее важным остается то, о чем писал сборник «Память»: спасти от забвения и эту мрачную главу общеевропейской, общей российской и немецкой истории. Не от естественного забвения, а от забвения преднамеренного, диктаторски предписанного. Только та история, которую помнят, только история, вписанная в коллективную память, склоняет голову перед жертвами и не допускает повторений.

*Йенс Зигерт, представитель
Фонда Генриха Бёлля в Москве*

Arbeitsbehörde Charkow

Биржа труда Харьков

Hospitaln|j Gasse 3

Госпитальный пер. 3

Herrn, Frau, Fräulein

Господин, Госпожа, Барышня

Wohnung:

Адрес:

Charkow am 31.1.42

Харьков,

7897
Baugewerks

u-1

Sokolow Kiril 9.7.09

Charkow Katschanskijskaja 19a

Sie werden hiermit aufgefordert, sich zwecks Zuweisung in eine Beschäftigung sofort, spätestens
Вас этим затребуют для направления на работу немедленно не позже

jedoch am 8.2.42 um 10 Uhr im Zimmer 33/III
как к часам в комнату

der Arbeitsbehörde Charkow, Hospitaln|j Gasse 3 zu melden. Sämtliche Arbeitspapiere sind mitzubringen.
Биржи труда Харьков, Госпитальный пер. 3 явиться.

Sollten Sie dieser Aufforderung nicht nachkommen, wird Ihre Bestrafung veranlasst.

Если вы это затребование не выполните, то будете наказаны.

Auf Anordnung.

Согласно приказа.

[Signature]

Повестка Харьковской биржи труда от 8.02.1942 с требованием обязательной явки для отправки на работы в Германию

Из письма Кирилла Ильича Житнева, в 1942—1945 гг. работавшего на инструментальной фабрике в Нюрнберге

Жилые бараки для рабочих, привезенных из СССР

Из письма Дмитрия Михайловича Бойченко, в 1942—1943 гг. работавшего на шахте в Дуэ (Северная Франция)

А вот Германская
природа; вот город
тот, где я живу.
Здесь больше украинско-
го народа, здесь боль-
ше Ost чем немцев.
Здрав, Ох, долже мой,
что сделалось со мной.
Но что делать? Тяжелая
жизнь, но все та-
ки нужно прожить.

Лагерь восточных рабочих при сталелитейном заводе в Зальцвенделе, воскресенье, 22 сентября 1943 г.

Из письма Нины Петровны Коломиец, угнанной в Германию в мае 1942 г.

Восточные рабочие на лесоразработках близ деревни Дицгаузен

Из письма Леонида Петровича Авраменко

Werk Sebaldushof
 der Metallwarenfabrik
Treuenbrietzen G. m. b. H.

Nr. 8235

Pers. Ausweis

für

Name: Bartschenko *

Vorname: Katerina

Geb.-Dat.: 18.11.24

Nationalität: Sowjet-Russin

Beschäftigt seit 1.6.42

als: Metallarbeiterin

Wohnhaft: **Träger Sebaldushof.**

Bartschenko Katerina

Лицевая и обратная стороны личного рабочего удостоверения Екатерины Григорьевны Варченко, работавшей в 1942—1945 гг. на военном заводе в Триенбрицене

OSWALD ENTERLEIN
 Niedersedlitz - Dresden, Leubener Straße 55

Ausweis Nr. 166

für

Wasylia Chwischtschuk
Niedersedlitz
Iglauerstr. Baracke

geb. 1929

ausgeschr. 2.10.44

+++

Unterschrift des Inhabers

Gültig bis
 Dezember
 1944

Gültig bis
 März
 1945

Gültig bis
 Juni
 1945

Gültig bis
 September
 1945

Gültig bis
 Dezember
 1945

Gültig bis
 März
 1946

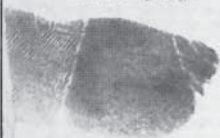
Gültig bis
 Juni
 1946

Личный пропуск Василины Григорьевны Фишук на территорию бумажной фабрики в Дрездене. Угнана в Германию в апреле 1944 г. в четырнадцатилетнем возрасте

Arbeitskarte für ausländische Arbeitskräfte

aus dem altsowjetruss. Gebiet

Linker Zeigefinger

Rechter Zeigefinger

Kennzeichnerpflichtig

Анастасия Бурак
Vor- und Zuname

5 584. 50.000. M.0255

Рабочая карта Петра Тимофеевича Арищенко, работавшего на железнодорожной станции Хемниц

Arbeitskarte — Befreiungsschein*)

A. Gr. B.

Gültig bis auf weiteres. Widerruf vorbehalten

Familienname: Burak

Vor(Ruf-)name: Anastasia

Geburtsname bei Frauen: _____

Geboren am 1920 in Dostojensk

~~verheiratet~~ ledig

Staatsangehörigkeit: ungekl.

Volkszugehörigkeit: Ostarbeiterin

Herkunftsland (eingereist aus): Bes. Ostgebiete

Heimatort: Dostojensk

Kreis: Pinsk

Wohnhaft: Neu-Petzin

Beschäftigt als: Landarbeiterin 1A2c

Arbeitsbuch-Nr.: A 6 FLA / 244

Arbeitsstelle: Waieners

Neu-Petzin

Krs. Flato

Typ-Nr.: _____ Im Inl. seit _____

Ausgestellt am 26.5.1944

Arbeitsamt

Schlochau Nebenstelle

Dem ausländischen Arbeiter/Angestellten ausnahmslos

Flato

Рабочая карта Анастасии Ивановны Бурак, работавшей на ферме в деревне Ной-Петцин (округ Флатов), лагерный номер 244

Ecclesia romanæ-catholicæ
 Pfarochia Hengersdorf
 Vicariatus Deutsch-Gabel
 Germania

T e s t i m o n i u m

Liber baptizatorum parochie Hengersdorf tocius VII folio 90

Ego infrascriptus parochus h. r. r. i. t. a. v. i. s. e. c. u. n. d. u. m. r. i. t. u. m. s. a. n. c. t. i. r. o. m. a. n. e. e. c. c. l. e. s. i. a. e. d. i. e. 26. N. o. v. e. m. b. r. i. s. 1944

Bronislava, filiam Anne Ruckovskæ

d. i. e. 21. S. e. p. t. e. m. b. r. i. s. 1944 B. C. h. r. L. e. p. t. a. n. a. t. a. m.

parochus
 Josef M. ...

Свидетельство о рождении 21 сентября 1944 г. в Генерсдорфе Брониславы Бучковской

Из письма Анны Юрьевны Бучковской, угнанной в Германию с территории Польши осенью 1941 г.

Kontrollzahl: 063975

Bitte Kontrollzahl in das im Wertschein-Metall vorgegebene Feld mit Tinte oder Tintenbleistift leserlich einzutragen

Geheft enthält 20 Zigaretten zum Einlösen bei den im Wertschein-Metall vorgegebenen Stellen. Die Zigaretten sind gegen Verfall geschützt. Die Zigaretten sind durch Metallblech geschützt und sind in 20er- und 10er-Packungen gepackelt.

Kontrollzahl: № 063975 B

5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	M
15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	1
5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	D
15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	1
5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	M
15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	1
5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	S
15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	1

B2 12

058030 67

ALLIED EXPEDITIONARY FORCE

D. P. INDEX CARD

G 00420008

1. *Kotajko* (Registration number) 18-30308-1

2. (Family name) (Other given names)

3. *N. O.* (Signature of holder) D. P. 1

Удостоверение личности Николая Павловича Галайко. Выдано 26 мая 1945 г. военной комендатурой американской зоны оккупации, служило пропуском для возвращения в СССР

Билет для проезда по городу Кирилла Ильича Житнева, в 1942—1945 гг. работавшего на инструментальной фабрике в Нюрнберге

Ukrainian MILITARY GOVERNMENT OF GERMANY

TEMPORARY REGISTRATION

Zeitweilige Registrierungskarte

Name H a l o j k o, Nylka Alter 38 Geschlecht männl.
 Name Age Sex
 Ständige Adresse Schalyn, Ukraine Beruf Bauer
 Permanent Address Occupation
 Jetzige Adresse Froienhagen, bei Bauer H. Fissler
 Present Address

Der Inhaber dieser Karte ist als Einwohner von der Stadt Froienhagen Krs. Bler vorschriftsmässig registriert und ist es ihm oder ihr strengstens verboten, sich von diesem Platz zu entfernen. Zuwiderhandlung dieser Massnahme führt zu sofortigem Arrest. Der Inhaber dieses Scheines muss diesen Ausweis stets bei sich führen.

The holder of this card is duly registered as a resident of the town of Froienhagen Krs. Bler and is prohibited from leaving the place designated. Violation of this restriction will lead to immediate arrest. Registrant will at all times have this pass with him or her.

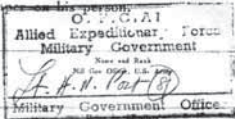
Personalausweis

Registration Number
Identity Card Number

Halajko Nylka
Unterschrift des Inhabers
Signature of Holder

Right Index Finger

Date of Issue

(Dies ist kein Personal-Ausweis und erlaubt keine Vorrechte).
(This is not an identity document and allows no privileges)

26. Mai 1945

Регистрационная карта Николая Павловича Галайко. Выдана 26 мая 1945 г. военной комендатурой американской зоны оккупации

Понютинский с/с Ореховскому НКВД
 Ореховского р-на Тантинский с/совет
 Запорожской обл. Направляет Вам 2-ку
 15/III-452. Игнатенко Анна Гордеевну
 которая была насильно
 угнана в Германию в 1943 году
 14 мая, а с. с. возвратилась
 на место жительства в
 Тантинский с/совет.
 Это удостоверение
 Председ. с/совета
 Сергеевский И. И.

Игнатенко
Анна

Предписание Понютинского сельского совета о направлении Анны Гордеевны Игнатенко на проверку в Ореховский районный отдел НКВД в связи с возвращением из Германии. В 1943—1945 гг. А.Г.Игнатенко работала на шпальной фабрике в Арце

НКВД СССР
 Проверочно-фильтрационный пункт
 Действительно по 1 мая 1946 г.
 Видом на жительство служить не может

Город *Москва*

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано *Александровой Тамаре Анатольевне*
 (фамилия, имя, отчество)

год рождения *1925* место рождения *Курская область*
г. 16208 станция Тосанурская

в том, что он по прибытии из *Германия* в *12 мая 1945* г. м-ца по *1946* г. содержался в *в/з Польшая Дуба* проверочно-фильтрационном пункте НКВД СССР и следует к избранному месту жительства *Варшавский округ г. 16208 станция Тосанурская* (указать точный адрес)

Удостоверение по приезду к месту жительства должно быть сдано в местный орган НКВД для получения вида на жительство.

Начальник проверочно-фильтрационного пункта
 (печать) *В. В. В.* (подпись)

Справка, выданная Тамаре Анатольевне Александровой о пребывании с 12.05.1945 по 9.01.1946 в проверочно-фильтрационном пункте НКВД в связи с тем, что в 1942—1945 гг. она находилась на принудительных работах в Германии

НКВД СССР
 Проверочно-фильтрационный пункт
 Действительно по «...» 194 г.
 Видом на жительство служить не может

Город *Ш.р.е.м.е.*

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано *Бирюковой Евдокии Андреевне*
 (фамилия, имя, отчество)

года рождения *1925* место рождения *с Рудна Броварского р-на Киевской обл.*

в том, что он по прибытии из *Германия*

с «...» м-ца по «...»

м-ца 194 г. содержался в *171* проверочно-фильтрационном пункте НКВД СССР и следует к избранному месту жительства *с Рудна Броварского р-на Киевской обл.* (указать точный адрес)

Удостоверение по приезду к месту жительства должно быть сдано в местный орган НКВД для получения вида на жительство.

15.07.45 Начальник проверочно-фильтрационного пункта
 (печать) *А. Г. Г.* (подпись)

Удостоверение Евдокии Андреевны Бирюковой о прохождении проверочно-фильтрационного пункта НКВД в Шремсе. Выдано для следования к месту жительства

ФОЛЬКЛОР И ЯЗЫК ОСТАРБАЙТЕРОВ

XX век войдет в историю человечества не только крупнейшими техническими достижениями, но и бесчеловечными тоталитарными режимами в целом ряде стран Европы, Азии и Южной Америки, грандиозными и особенно разрушительными войнами. Эти войны охватывали огромные территории, требовали неслыханного числа солдат, они отличались небывалым вовлечением в кровавые события мирного населения. Авиация, танки, тяжелая артиллерия уничтожали все, что оказывалось на пути наступающих войск. Нацистская Германия, добившаяся значительных успехов в первые годы второй мировой войны, стала интенсивно использовать население оккупированных стран на тяжелейших принудительных работах в военной промышленности и сельском хозяйстве, компенсируя недостаток немецкой рабочей силы, отвлеченной в армию. Мирное население приравнивалось к военнопленным, лишалось всяких прав, заключалось в лагеря, максимально использовалось и было обречено на уничтожение. Идеологически это мотивировалось нацистской доктриной — граждане государств, с которыми велась война, объявлялись «низшей расой», предназначение которой — служить «расе господ» и, если надо, исчезнуть. Сеть лагерей иностранных рабочих должна была стать прообразом «нового порядка», который будет установлен в Европе после победоносной войны. Лагерный режим был особенно жестоким по отношению к населению оккупированных областей Советского Союза. Все эти люди без всяких различий считались «советскими», «большевиками», «коммунистами». Все они были остарбайтеры¹ (восточные рабочие). При этом, например, не принималось во внимание, что далеко не все жители районов Советского Союза, которые только в 1939–1940 гг. вошли в состав Советского Союза по германо-советскому договору (Западная Украина, Западная Белоруссия, Буковина), разделяли большевистскую идеологию (как, впрочем, и в «старых» советских областях). Таким образом, мотивировка была двойной — расистской и политической. В разряд «советских» и «русских» попадали все не немцы, проживавшие в Советском Союзе, не

¹ Официальный немецкий термин «Ostarbeiter» и ношение опознавательного знака «OST» обозначали советских гражданских лиц, принудительно вывезенных в Германию для работы в промышленности и сельском хозяйстве. При этом мужчины призывного возраста направлялись преимущественно в лагеря для военнопленных. По подсчету составителей сборника «Национал-социалистическая система лагерей» (Das nationalsozialistische Lagersystem. Frankfurt am Main, 1990), к сентябрю 1944 г. в Германии работало около 6 000 000 «иностраных рабочих»; 2 174 644 из них были вывезены из оккупированных районов Советского Союза (1 062 507 мужчин и 1 112 137 женщин). За все время войны (с 1939 по 1945 г.) в Германию было вывезено около 12 000 000 человек (по нюрнбергским документам). Сколько же их погибло?

говоря уж о евреях и цыганах, которые просто подлежали уничтожению.

Усилиями ученых ряда стран, особенно немецких и российских, история принудительного труда в Германии в годы второй мировой войны может считаться в основных чертах изученной. Сошлемся, например, на фундаментальную монографию У.Герберта «Иностранцы в хозяйстве военного времени в Третьем рейхе» (в приложении к которой приведена обширная библиография вопроса) и книгу П.Поляна «Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация»².

Можно сказать, что довольно детально, с привлечением обильной документации изучена «внешняя» история остарбайтеров — история их депортации, распределение по отраслям немецкой экономики, распоряжения германской администрации, касавшиеся остарбайтеров, история лагерей и их размещение на территории Германии и т.д. Объективно обрисованы ужасающие условия их существования и труда. Вместе с тем внутренний мир остарбайтеров, их повседневный быт и их реальный менталитет до сих пор остаются малоизученными. Более того, до сих пор в распоряжении историков не было адекватных документов, которые позволили бы углубиться именно в эти проблемы.

В России опубликовано несколько десятков мемуарных и исследовательских книг и сотни статей, в которых содержатся весьма ценные сведения об организованных формах движения сопротивления на оккупированных территориях и в немецких лагерях, разработана история депортации населения и статистика многомиллионных жертв, но сравнительно немного сведений об основной массе остарбайтеров. Массовые воспоминания до недавнего времени собирались мало и почти не публиковались в их натуральном виде.

В последние годы усилиями российского Общества «Мемориал» было собрано значительное число писем бывших лагерников и батраков, работавших в немецком сельском хозяйстве в годы войны. Поток писем в известной мере был усилен проникшими в прессу сведениями о том, что правительство Германии намеревается рассмотреть вопрос о компенсационных выплатах бывшим остарбайте-

² Ulrich H. *Fremdarbeiter: Politik und Praxis des «Auslandereinsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches*. Berlin; Bonn, 1986. 493 S. (библиография на с. 454–478); Полян П. Указ. соч. М., 1996. 442 с. (библиография на с.412–416; приложения на с.358–407); Белорусские остарбайтеры: Угон населения Белоруссии и их принудительные работы в Германии: Документы и материалы. В 2 кн. Кн. 1. 1941–1942 гг. Леинст, 1996. 302 с.; Schwarze G. *Kinder, die nicht zählten: Ostarbeiterinnen und ihre Kinder im Zweiten Weltkrieg*. Essen, 1997. 336 S.

рам. Среди подобных писем есть несомненно ценные, и они еще будут изучаться. Однако все эти документы созданы только через сорок-пятьдесят лет после пережитого.

Значительно больше и раньше было сделано русскими, украинскими и белорусскими фольклористами. Еще в ходе войны и особенно после ее окончания интенсивно собирался фольклор, бытовавший и возникший в те годы — фронтовой, партизанский, характерный для оккупированных областей и, наконец, фольклор остарбайтеров. В славянской фольклористике появились новые термины: «невольничий фольклор», «песни полонянок», «песни непокоренных» и др. В фольклорных архивах и частных собраниях накоплено значительное число текстов, выделены тематические и жанровые группы, изучены их стилистика и содержание, соотношения с народно-песенной традицией и устной прозой предыдущих десятилетий и т.д.³

Настоящая публикация имеет целью ввести в научный обиход и сделать известным более широкому кругу читателей источник нового типа, который дает нам косвенную возможность проникнуть в весьма своеобразный мир остарбайтеров, или, по выражению У.Герберта, «лагерный космос» в годы войны. Назовем этот источник «фрейбургской коллекцией». Коллекция сформировалась в 1942–1944 гг. История ее такова.

В 1991 г. при ремонте здания известного фольклорного центра «Немецкий архив народной песни» (Фрейбург) был обнаружен забытый всеми картонный ящик. На первый взгляд это кажется невероятным. В архиве, прославленном своей четкой организацией, коллекция, состоящая более чем из 1300 карточек, осталась с 1944 г. не зарегистрированной и хранилась в углу мансарды вместе с какими-то ненужными бумагами и дублетами книг. Однако случилось... Коллекция содержит выписки из писем остарбайтеров, собранные в 1942–

³ См.: Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993; Мельц М.Я. Народно-поэтическое творчество Великой Отечественной войны: Материалы к библиографии (1941–1945) // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964. С.414–467. Там же см. указания на материалы в фольклорных архивах (с.310–413). Дальнейшая библиография — Мельц М.Я. Русский фольклор: Библиографический указатель, 1960–1965. Л., 1967; 1966–1975. Л., 1984; 1976–1980. Л., 1987; 1981–1985. СПб., 1993; Крупянская В.Ю., Минц С.И. Материалы по истории Великой Отечественной войны. М., 1953. 211 с. На белорусском языке: Грынблат М.Я. Беларуская этнаграфія і фалькларыстыка (1945–1970). Мінск, 1972. С.234–236; Паэзія барацьбы. Мінск, 1985 (библиография на с.379–381); Песні савецкага часу. Мінск, 1970 (раздел «Песні Вялікай Айчэннай вайны», с.187–292, 524–541); Беларускі фальклор Вялікай Айчэннай вайны. Мінск, 1961 (библиография на с.562–563). На украинском языке: Українські радянські народні пісні. Київ, 1955; Українська народна поезія про Велику Вітчизняну війну. Київ, 1953; Радянська пісня. Київ, 1967 («Пісні Великої Вітчизняної війни», с.203–279); Співанки-хроніки: Новини. Київ, 1972 (Велика Вітчизняна війна, с.241–260).

1944 г. одним из цензоров. Подобные цензурные группы первоначально подчинялись военной администрации, а к концу 1944 г. были переподчинены гестапо. Первой публикацией, связанной с «фрейбургской коллекцией», стала статья Б.Е.Чистовой и К.В.Чистова «Преодоление рабства. Фольклор и язык “восточных рабочих”»⁴. Коллекция упоминается также в называвшейся выше книге П.Поляна «Жертвы двух диктатур» (с.165) на основании сообщений немецких газет о подготовке «фрейбургской коллекции» к изданию.

Почтовая переписка была разрешена остарбайтерам с июля 1942 г. Она должна была ослабить нараставшее недовольство жестоким режимом и сопротивление набору все новых партий невольников. Разумеется, при этом было запрещено писать о самом главном — о нечеловеческой жестокости лагерной охраны, о болезнях, голоде, об антисанитарных условиях быта, о бомбежках, о впечатлениях от вестей и слухов с фронта, об отношении местного населения к невольникам и т.д., т.е. о том, о чем больше всего хотелось писать, что и составляло главные «новости» безрадостной лагерной жизни.

К сожалению, мы ничего не знаем о составителе этой замечательной коллекции. Как военный цензор он не имел права на сентиментальную снисходительность. Корреспонденты должны были быть и для него только рабочей силой, которую предстояло бескомпромиссно использовать для победы нацизма. Но создать такую коллекцию мог только человек, увидевший в массе остарбайтеров не стадо рабов, а человеческий мир, интересный для углубленного изучения, имеющий свои традиции, свою поэзию, свою культуру, хотя, казалось бы, те унижения, которым они подвергались ежеминутно, должны были обезличить и раздавить их. Он не только должен был прочесть тысячи писем, но и стремился выписать все, что казалось ему достойным внимания и необходимым для изучения этого нового для него мира, систематизировать хотя бы предварительно эти выписки и тщательно перевести каждую из них на немецкий язык. Это было скрупулезное изучение не отдельных людей, а именно среды остарбайтеров — общности, созданной против их воли, но объединенной трагической судьбой. Несомненно, что составитель коллекции был подготовлен к такому подвигу, иначе невозможно было бы разобраться в вавилонском смешении людей, языков, традиций, возникшем в результате депортации жителей разных областей. Для этого надо было хорошо знать и русский, и украинский, и белорусский, и, вероятно, в какой-то мере польский языки и не смущаться почти непрерывными диалектными вкраплениями. Вероятно, за этим стояло не только немецкое университетское образование слависта, но и

⁴ Фольклор и культурная среда ГУЛАГа. СПб., 1994. С.138–149.

более или менее длительная практика общения с населением западно-украинских и западнорусских областей⁵. Есть также некоторое основание предполагать, что составитель был немцем, родившимся или прожившим в России, и, главное, ориентировался в некоторых проблемах фольклористики и этнографии. В этом убеждает и его стремление передать зафиксированные фрагменты текстов (реже — целые тексты) в их натуральном виде. Видимо, он понимал, что смешение языковых элементов, ошибки и смешение орфографических правил трех литературных языков — показатели определенной локальной речевой ситуации и уровня культуры, безусловное влияние школьного образования и безусловный недостаток его. Как это принято у профессиональных фольклористов, он без устали фиксировал сходные тексты и их варианты, даже когда речь могла идти не о существенном варьировании, а о словесном вибрировании (осцилляции). Так, например, в коллекции имеются 31 вариант одного и того же «кругового письма», целая серия текстов, повторяющая тему «лети, листок» (письмо), и т.п. Карточки, составляющие коллекцию, подвергались обработке по мере их поступления. Они переписывались и снабжались переводом и различного рода пометами — жанровыми, тематическими (на основе которых та или иная карточка занимала место в картотеке), географическими и оценкой степени распространенности (особенно для отдельных слов и выражений).

Несколько раз встречается помета «распространено в России до 1914 г.». Речь идет явно не о каких-либо восточнославянских словарях или лексикографических исследованиях, на которые мог опираться составитель, а о начале первой мировой войны, с которой был связан отъезд определенной части российских немцев из России. Только однажды назван 1917 год — год февральской и октябрьской революций, вызвавший новую волну миграции. Не связано ли это с судьбой самого составителя?

Карточки коллекции были расположены по рубрикам: «Лексика», «Речевые обороты», «Фольклор», «Сновидения», «Пророчества», «Круговые письма», «Народная медицина».

Работа над коллекцией была прервана или прекращена в конце 1944 г. Она была отослана во фрейбургский архив с сопроводительным письмом из почтовой цензуры Управления тайной полиции (гестапо) за подписью подполковника, фамилия которого не поддается

⁵ Это подтверждается географическими пометами, которыми снабжены карточки со словами, записанными прямо от носителей диалектов. Они охватывают обширную белорусскую и украинскую территорию (Подолля, Галиция, Полесье, и даже Восточная Белоруссия до Минска и Могилева, и Украина до Винницы) и территорию, простирающуюся на севере до Витебской и даже Ленинградской области. При этом особенно часто встречаются Брест-Литовск, Кобрин, Пинск.

беспорной расшифровке — Томан или Томас? Особенность этой фамилии — отсутствие «h» после «Т», что встречается в немецких фамилиях довольно редко. Кто послал картотеку во Фрейбург, сам составитель или кто-то другой, остается неизвестным. Приводим перевод этого письма⁶.

Берлин № 9
25.10.1944

Государственная тайная полиция
Управление государственной полицией
г.Берлина
Отдел цензуры писем иностранцев
№ 14755 (44/IV)

Господину Джону Майеру
Фрейбург/Брейсгау
Этнографический музей

Отдел цензурного контроля писем иностранцев г.Берлина с 1942 г. подвергает цензуре письма рабочих, вывезенных с востока. При проверке этой почты набралось значительное количество фольклорного и лингвистического материала на русском и украинском языке, который мы посылаем Вам вместе с этим письмом для дальнейшего использования.

Просим сообщить, оказался ли этот материал полезным для вашего архива.

Хайль Гитлер!

(1 картонная коробка письменного материала).

Подполковник Томан (Томас?).

Сопроводительное письмо было подписано подполковником (Oberstleutnant), а не старшим лейтенантом, как указано у П.Поляна (с.165). Перевод письма в книге Поляна содержит некоторые неточности. Так, например, коллекция была прислана в архив не для «дальнейшей проверки», а для «дальнейшего использования» (zur weiteren Verwertung).

Картотека была послана основателю и директору Немецкого архива народной песни во Фрейбурге, одному из крупнейших немецких фольклористов XX в. профессору Дж.Майеру. Вот перевод его ответного письма:

⁶ Обращает на себя внимание то, что в письме упоминаются русский и украинский языки и не упоминается белорусский, которым составитель коллекции владел так же хорошо, как и двумя другими восточнославянскими языками.

Не является ли это свидетельством того, что коллекция была прислана во Фрейбург не самим составителем коллекции? Однако одного этого довода мало для окончательного заключения.

Профессор Джон Майер
Ф(рейбург)

На №14758 (44/IV)

В отдел цензуры писем иностранцев
Управления государственной полиции
г.Берлин
ул. Шеллинга, 1.

Мы подтверждаем получение этнографического материала, который вы собрали при контроле почты рабочих с Востока и выражаем вам нашу горячую благодарность за проявленный вами подлинный интерес к фольклорному исследованию. Это собрание очень ценно прежде всего тем, что оно вместе с цельными текстами содержит также фрагменты из народных песен. После заключения мира можно будет, наверное, написать на этом материале интересную статью, которая покажет, в какой степени эти народы владеют народной традицией и ценят ее, что эти устоявшиеся поэтические образы и формулы служат для них заменой там, где народ из известного опасения не хочет прямо выразить свои чувства и ощущения.

Поэтому мы были бы вам очень благодарны, если бы вы и в дальнейшем присылали нам подобный материал.

Хайль Гитлер!

Союз немецких этнографических обществ.

Проф. Джон Майер.

Свидетельством профессиональной компетентности составителя коллекции можно считать сам факт отсылки коллекции во фрейбургский архив — авторитетный фольклорно-этнографический центр Германии. И все-таки остается еще много вопросов: почему после 1945 г. составитель не продолжил работу над коллекцией? Почему она оказалась в архиве незарегистрированной? На первый из этих вопросов до установления личности собирателя ответить нельзя. Мы не знаем, пережил ли он войну. К октябрю 1944 г. поражение Германии уже не вызывало сомнений. Вся территория Советского Союза была освобождена, Финляндия капитулировала. Бои велись в Польше, Восточной Пруссии, Венгрии и Югославии. Болгария и Румыния выбыли из войны. Был открыт Второй фронт. Железное кольцо сжималось. Интенсивность бомбежек продолжала нарастать. Переписка остарбайтеров с родственниками не могла не прекратиться. Над жизнью каждого немца, тем более причастного к деятельности гестапо, нависла реальная угроза.

Фрейбургский архив мог быть избран еще и потому, что он расположен в городе, лежащем в самом дальнем юго-западном конце Германии. До отсылки коллекции составитель, видимо, не имел контактов ни с архивом, ни с Дж.Майером. Об этом свидетельствует адрес

на коробке с картотекой. Она была адресована во Фрейбург без точного адреса (просто — Freiburg), с неточным названием архива (Volkskundliche Sammelstelle), с ошибочным написанием фамилии директора (Meуег вместо Meier). Б.Джемс-Брук, библиотекарь фрейбургского архива, обнаружившая коллекцию, высказала правдоподобную гипотезу. В июне 1944 г. отмечалось 80-летие Дж.Майера. По радио прозвучало его интервью, хранящееся ныне в архиве. Не внушило ли это составителю коллекции или близкому ему человеку мысль послать коллекцию именно во Фрейбург и именно Дж.Майеру?

Последние месяцы войны отличались особенным ожесточением военных, партийных нацистских кругов и населения по отношению к остарбайтерам: в них персонифицировались катастрофические бедствия, в которые была вовлечена Германия. Лагерники предпринимают неоднократные попытки вырваться из лагерей, пользуясь бомбежками, ослаблением охраны и т.д.; по стране начинают бродить группы беглых лагерников, ищущих укрытия и пропитания. Среди них распространяются слухи о том, что перед своей гибелью нацисты расправятся с остарбайтерами и пленными (по крайней мере отчасти эти слухи оправдались). В такой ситуации хранение коллекции могло оказаться небезопасным.

27 ноября 1944 г., т.е. через 18 дней после ответа Дж.Майера, Фрейбург подвергся сильнейшей бомбежке, разрушившей значительную часть города. Город лишился электричества, водоснабжения и т.д., но здание архива не пострадало. К этому времени единственный оставшийся сотрудник Дж.Майера переехал в Санкт Петер, так как дом его был разрушен. Майер, в предвиденье новых налетов, стремится рассредоточить архив в пригородах, думает о возможности эвакуации архива в Швейцарию. Мужество и энергия 80-летнего ученого достойны удивления.

Естественно, что, как и в последующие месяцы, ознаменовавшиеся разгромом Германии и оккупацией Фрейбурга французскими войсками, Дж.Майеру было не до коллекции, присланной из гестапо. Кроме того, в штате архива не было ни одного слависта. В 1952 г. Дж.Майер, возможно, единственный, кто знал о существовании коллекции, скончался. Коллекция была потеряна до 1991 г.

И вот пришло время исполнить завещание Дж.Майера, понимавшего важность народной поэзии и ее изучения в годы бедствий, о чем очень ясно свидетельствует его замечательное письмо.

История коллекции может, со своей стороны, внести новые краски в оценку фольклористической деятельности Дж.Майера и созданного им архива. Известно, что его политическая и научная позиция в годы нацизма, как и судьба архива в те годы, неоднократно обсуждалась в немецкой фольклорно-этнографической печати и на различного рода

форумах. Изучение документов, хранящихся в фондах архива и в личном фонде Дж.Майера, показало, что он, несмотря на известный практицизм и осторожность (или, может быть, именно с их помощью), сохранил в годы нацизма независимую позицию. Так, например, он сумел дипломатично отклонить официальное требование подчинить архив нацистскому «Ahnenerbe» (обществу «Наследство предков») и другим нацистским организациям. Дж.Майер не был «диссидентом»-антифашистом, он не боролся с фашизмом открыто, но, опираясь на свое патрицианское достоинство, экономическую независимость и авторитет ученого, не позволил вовлечь себя и архив в расистские спекуляции. Архив в эти годы работал так, будто ничего не случилось. Об этом, например, свидетельствуют его требование восстановить переписку с известным советским филологом В.Жирмунским, о котором официальные власти сообщали, что он «неарийского происхождения», прием на работу в архив в разгар войны литовского фольклориста Й.Балиса и т.п.

Итак, внешняя история коллекции восстанавливается только в самых общих чертах. Вполне вероятно, что на первом этапе работы составитель интересовался преимущественно лексикой остарбайтеров. У него, видимо, не было полевого опыта диалектолога. Он фиксирует как незнакомые ему слова, принятые в литературном языке (или в одном из трех литературных языков), так и диалектизмы, или жаргонизмы, и слова из воровского сленга и стремится снабдить их указанием на конкретную деревню, край или область (Подолія, Галиция, Пинск, Брест-Литовск и т.д.), или даже просто — Украина, Белоруссия, либо — «широко распространено». Встречающаяся на словарных карточках пометка «не из почты» говорит о том, что, когда составитель коллекции стал регулярно делать свои выписки, он продолжал собирать и устный лексический материал, следовательно, продолжал общаться с остарбайтерами. В коллекции встречается также некоторое количество карточек, заполненных не его почерком, а чужим, по начертанию, возможно, девичьим (№ 276, 465, 492, 501, 518, 623, 630, 754 и др.); как правило, эти тексты отличаются большей грамотностью и более или менее правильной пунктуацией.

Пометы собирателя на карточках обозначают, куда было направлено письмо. Это могло совпадать с районом, из которого происходил отправитель, или не совпадать. Тем более это ничего не говорит о передвижениях составителя в годы войны. К нему попадали письма из многих оккупированных районов. Они посылались преимущественно из лагерей на территории Германии, видимо, из каких-то лагерей оккупированных районов и, вместе с тем, из Финляндии, Норвегии и Франции. В коллекции относительно много карточек, адресованных в Брест-Литовск, Брест-Литовскую область и различные районы Полесья (Кобрин, Пинск, Дрогичин, Давидгородок и др.).

Собрание лексики продолжалось вплоть до 1944 г. На единственной датированной карточке со словом «баланда» читаем: «Ab 1944 wird dieses Wort in den Postkarten seltener gebraucht (augenscheinlich unter dem Einfluß der Zensur)», т.е. «с 1944 г. это слово употребляется реже, возможно, под влиянием цензуры».

Рубрики нашего издания неизбежно не совсем совпадают с наменными предварительного составителем коллекции в процессе скорее собирательской, чем исследовательской деятельности. Так, в разделе «Лексика» в алфавитном порядке собирателем представлены слова, показавшиеся ему интересными по тем или иным причинам. Иногда это новые для него слова и их значения, неологизмы, созданные войной, жаргонизмы, слова воровского сленга и др. Мы сочли необходимым выделить также в отдельный раздел слова и выражения, употреблявшиеся в качестве эвфемизмов. Необходимость прибегать к эвфемизмам диктовалась условиями быта остарбайтеров и их почтовой переписки. Выделяются в отдельный раздел и слова, порожденные восприятием на слух немецкой лексики, с уподоблением славянским грамматическим формам (придание немецким глаголам украинских окончаний, окончания «а» словам женского — по-русски — рода: бетка, фройляйнда, — что представляет явный лингвистический интерес), и редкие случаи «народной этимологии», возникающей при усвоении иностранных слов с неясной внутренней формой и включающей в слово оценку предмета или явления говорящим. Например, «холераба» (от Kohlrabi — кольраби — сорт капусты) — ассоциация с «холерой», в связи с тем, что в питании остарбайтеров изобиловал этот овощ. Или «выкувыренный» и «овойрований» от «evakuieren» по ассоциации с глаголами «выковыривать» (снимать с насиженного места) и «обворовывать».

Четко очерчены собирателем только разделы о снах и пророчествах, «Круговые письма» и малоинтересный и небольшой по объему раздел «Народная медицина». Раздел «Redewendungen» (Речевые обороты) содержит многообразные лексические явления — от сравнений и метафор, большого числа эвфемистических выражений до поговорок и пословиц. Совершенно недифференцирован самый большой раздел коллекции — «Volksdichtung» (Народная поэзия), куда вошли тексты (или фрагменты текстов) самых разнообразных жанров устной и письменной народной словесности — от частушек до причитаний и песен, а также большинство разнообразных почтовых стереотипов. Как ни трудно подчас идентифицировать отдельные жанры по отрывкам, мы все-таки попытались представить содержание коллекции в более четком и определенном виде.

С наибольшей отчетливостью и силой эмоциональное напряжение, в котором постоянно находились остарбайтеры, отразилось в разделе

лах «Пересказы снов и пророчества» и «Круговые письма и молитвы», намеченных составителем и сохраненных в нашем издании. Не исключено, что они оказали решающее влияние на формирование коллекции. Доводом в пользу этого нам представляется тот факт, что тексты в этих двух разделах в основном даются на немецком языке в переводе (или пересказе), а не в оригинальном виде. Очень отчетлива направленность этих текстов на религиозно-магическое истолкование ситуации и способы преодоления ее либо на предсказание в духе традиционных предреканий будущего. Эти типы выражения эмоций — одно из самых убедительных, хотя и косвенных свидетельств того, каков был менталитет оstarбайтеров в те тяжелые годы.

Если наши предположения о постепенном прояснении цели собирания коллекции, ее границах и составе верны, то это значит, что она создавалась не по предписанию начальства, а по частной инициативе. Трудно представить себе, что служебная инструкция могла так эволюционировать. Да и кому нужны были украинские, белорусские или русские тексты вместо обобщенного донесения о настроениях лагерников или батраков.

Тексты, относящиеся к разделам «Пересказы снов и пророчества» и «Круговые письма», возникли и функционировали на грани между устной и письменной сферами традиционной народной словесности. Они невелики, но дают общее впечатление о характерных настроениях оstarбайтеров в 1942–1944 гг. В снах прежде всего сказывается естественное желание возвратиться домой. Они насыщаются тревожными и трагическими эмоциями. Мирные обыденные картины, навевающие ностальгию — семья за столом ест вареники, все копают картошку, мать белит хату и т.д., — сопровождаются зловещими видениями — пылает заря на востоке, лагерь залит кровью, у родного дома обгорела крыша, отца хотят убить или повесить, подруга по дороге домой попадает в болото, гадина сосет кровь, пока ее не убивает сосед, отец сам поджигает хату и т.п. По дороге домой надо карабкаться на гору, и это никак не удастся, путь преграждает река. Даже если суждено дойти домой, самое страшное случится через неделю, месяц, два года. Сны полны предчувствием освобождения, конца войны, надежды на возвращение домой и, вместе с тем, почти все без исключения дискомфортны. Освобождение придет, но за него будет заплачено дорогой ценой. Оптимистический сюжет окрашен трагически. В некоторых снах как будто отразились мотивы, широко известные по библейской эсхатологии и по апокрифическим рукописям русского средневековья (т.н. «Сны Шахаиши» и др.). Однако ситуация тех лет была такова, что мотивы эсхатологического типа вполне могли сформироваться спонтанно.

И все же отметим глубокую традиционность некоторых мотивов — переправа через реку, карабканье через гору, вампиризм, сражение с чудовищем (змеей). Все они известны нам по средневековой письменности и поздним фольклорным отражениям (например, в русских причитаниях). Два первых из них обычно обозначали трудный переход в мир иной.

К снам примыкают «пророчества» (всего пять текстов). Они тоже говорят о конце войны, но предсказывают вместе с тем катаклизмы и трагические переживания — ужасную битву, море крови, много раненых, половина человечества погибнет (№ 429; все это должно произойти с июля по август 1943 г.). В пророчестве на карточке № 431 говорится о том, что война, по «пророчеству Брюса», должна была продлиться семь лет и семь месяцев, однако теперь назначен новый срок: война должна теперь окончиться в октябре 1944 г. Письмо датировано 23 марта 1944 г. Здесь весьма интересно упоминание Якова Брюса — генерал-фельдмаршала при Петре I, известного также своими переводами, составителя гражданского календаря 1709–1715 гг., который был еще в XIX в. приспособлен для гаданий и получил очень широкое распространение среди городского и деревенского населения России, Украины и Белоруссии параллельно с т.н. «Сивиллиной книгой», «Гадательной книгой царя Соломона» и др.

Значительный интерес представляет раздел «Круговые письма». Он содержит 31 текст и, по-видимому, является самой значительной из известных коллекций русских «круговых писем»⁷. В русской филологии до сих пор не установлен общепринятый термин, обозначающий такие «письма». Объясняется это не только относительно поздним распространением их в России⁸, но и тем, что в XIX в. и до 20–30-х гг. XX в. архаическая устная традиция у восточных славян

⁷ На шести карточках отмечается, что в руках у составителя побывало еще 17 текстов, совпадающих с фиксированными. Следовательно, он видел 48 «круговых писем».

«Круговыми» мы называем письма, которые рассылаются для того, чтобы быть посланными дальше в определенном количестве («всерообразно»); им приписывается некое воздействие на жизнь того, кто будет или не будет способствовать их распространению. В немецкой филологии употребляется термин «Kettenbriefe» (цепные письма) или «Himmelsbriefe» (небесные письма, так как их первичное появление приписывается Христу, Богородице или кому-нибудь из святых).

⁸ Отметим наиболее значительные исследования: Веселовский А.Н. Опыты по истории развития христианской легенды: Эпистолия о неделе // Журнал Министерства народного просвещения. 1876. Март. С.50–116; Сидельников А. Из истории «Эпистолии о неделе» // Slavia. T.XI. Praha, 1932. С.56–72, 274–292; Лурье В.Ф. «Святые письма» как явление традиционного фольклора // Русская литература. 1993. №1. С.144–149; Wrocławski K. List z nieba czyli epistola o niedzieli. Warszawa, 1991.

О немецких Kettenbriefe см.: Spamer A. Himmelsbriefe der deutschen Mystik. Gießen, 1938; Wörterbuch der deutschen Volkskunde von O.Erich und R.Beitl. 3. Ausgabe / Neu bearbeitet von R.Reite. Stuttgart, 1974. S.362–363, 441–442.

была еще очень сильна. Явления маргинальные на фоне общего массива казались не заслуживающими специального внимания.

Все карточки с «круговыми письмами» были заполнены составителем коллекции очень быстро — за пять месяцев (с декабря 1943 по апрель 1944 г.). Давно замечено, что бытование «круговых писем» становится особенно активным в периоды значительных социальных кризисов. Именно таковы и были трагические месяцы первой половины 1944 г., когда исход войны обозначился уже ясно, но гигантская схватка еще длилась. Коллекция «круговых писем» уникальна не только числом текстов, но и четкой прикрепленностью их именно к ситуации 1944 г.

Известно, что корни подобных «писем» в европейских странах уходят в глубокую древность. Первое упоминание о них относится к 584 г. — в связи с сомнениями в подлинности и возможности приписывать их самому Христу. Однако неприязненное отношение церкви не смогло остановить распространение «небесных писем» и связанной с ними легенды. Они циркулировали как апокрифы на обширном пространстве от Исландии до Сибири и христианских общин Индии⁹. Восточнославянская традиция в XX в. изучена недостаточно, но очевидно, что она имеет какие-то связи с балкано-славянским православием и частично в своей украинской ветви испытала некоторое влияние западнославянской (польской) традиции.

В.Ф.Лурье в упомянутой статье предлагает выделить три типа русских «круговых писем»: а) «святые письма», связанные с религиозной традицией, распространение которых означало коллективное приобщение к святой молитве. Текст, согласно легенде, приписывался Христу, Богородице, св.Петру и т.п. или был доставлен на землю другим чудесным путем; б) «письма-счастье», переписка и распространение которых должны принести счастье, добрую новость, богатство и т.д. Нейсполнение этого веления повлечет за собой кару — смерть, болезнь, разорение и т.п.; и, наконец, в) «письмо-игра». В нем вместе с текстом предлагается послать 5 рублей (или иную сумму) и ожидать, что рассылка писем в конце концов, когда круг будет завершен, принесет значительно больше.

⁹ Обзор современных сведений о «небесных письмах» у славян см.: Wroclawski K. Указ. соч.; Бадаланова Ф. Апокрифичен текст и фольклорен контекст // Славянская филология. Т.21. София, 1993. С.114–123. В статье Бадалановой сообщается о собранной М.А.Мухлиным (Москва) коллекции «круговых писем», содержащих вполне современные мотивы. Среди людей, которые не последовали совету переписать письмо в требуемом количестве экземпляров и разослать их, называется маршал М.Тухачевский (был расстрелян) и Н.Хрущев (отстранен от власти), среди действовавших согласно требованиям письма и вознагражденных за это — популярная певица А.Пугачева и т.п. (с.123); Kõiva M. Onnel polehinnda [У счастья цены нет] // Koolepõrmus [Школьный фольклор]. Tartu, 1993. С.12–15, 44–48 (со ссылкой на статью W.Andersen «Kettenbriefe» in Estland» [1937]).

«Круговые письма» «фрейбургской коллекции» образуют три разновидности первого типа. Простейшая из них — обращение к Христу, просьба простить грехи, даровать благословение и спасти в тяжелую годину. Письменное закрепление текста молитвы-письма, так же, как и копирование и распространение, должно повысить его сакральную действенность. «Письмо» всегда надо иметь при себе. Таких «писем» в коллекции большинство (23 текста). Они повторяют друг друга дословно. Поэтому мы публикуем только необходимые образцы (№ 367 и 371 — по-русски, № 359 — по-украински, № 386 — по-польски и № 366 — по-русски, записанное по-польски и, видимо, происходящее из среды белорусов-католиков). «Письма» второй разновидности более пространны и содержат некоторые элементы легенды о происхождении «святого письма». И наконец, к третьей разновидности следует отнести два текста, представляющие особую ценность. Они свидетельствуют о том, что архаическая традиция «писем», связанных с легендой, к 1944 г. не угасла. Первое из них (№ 358) весьма поэтично, начинается оно с афоризма, который должен был восприниматься в 1944 г. как особенно актуальный: «А вот я вам напишу, что лучше всего на свете это есть жизнь — Молитва, Молитва, Иисуса Христа». «Письмо» идет от Иисуса Христа, оно было обретено в Киево-Печерской лавре, писано золотыми буквами и раскрылось людям у образа апостола Михаила¹⁰. Люди столь грешны, что они будут наказаны ветром и огнем. Бог напустит царя на царя, и будет кровопролитная война. Наказание было бы еще ужаснее, если бы не заступничество пресвятой Богородицы. «Письмо» призывает хранить имя Христа в тайне. На каждом столько грехов, сколько звезд на небе, песка в море, травы на земле, однако этим «письмом» он будет прощен. К сожалению, это «письмо» составитель по каким-то причинам не смог переписать до конца¹¹.

Второе «святое письмо» (№ 381) велико — оно записано на шести карточках. К сожалению, оно не дается в оригинале, а только в переводе на немецкий язык. В отличие от других оно не датировано. Не было ли оно зафиксировано на начальном этапе создания коллекции, как и некоторые «сны»? Это одно из интереснейших известных нам русских «святых писем». Мы рекомендуем читателю внимательно

¹⁰ Эти два элемента ведут нас к польской традиции «*lista z nieba*» (см.: Wrocławski K. Указ. соч. S.67). Вместе с тем здесь не говорится, что письмо было скрыто в камне, упавшем с неба, что характерно для западно- и южнославянских «небесных писем».

¹¹ Остарбайтеры имели право писать письма только на открытках. Некоторые, особенно длинные письма, видимо, писались на нескольких открытках, посылавшихся одновременно. В выписках «фрейбургской коллекции» несколько раз встречается слово «роскрытка» — примечательная этимологизация литературного «открытка».

прочитать его, чтобы не приводить текст здесь целиком. Обратим внимание только на наиболее существенные его особенности.

Большой интерес представляет содержащаяся в нем легенда о происхождении «святого письма». В письме сообщается, что в 1791 г. оно было ниспослано с неба «на голубое дерево» и написано было «золотыми буквами». Составитель коллекции обращает внимание на то, что голубое и золото — цвета украинского национального флага («жовто-блакiтний»). Между тем известен довольно широкий круг русских, украинских и белорусских легенд, в которых фигурирует «золотая грамота» (об освобождении крестьян от крепостной зависимости и др., утаенные владельческие документы, написанные золотыми буквами, и т.п.). «Золотой» в фольклоре восточных славян, в том числе и духовных стихах, — обычный идеализирующий эпитет, обозначающий наивысшее качество. В знаменитом стихе «Голубиная книга» — божественные слова наивысшей мудрости тоже упали («выпали») с небес на землю, подобно «святым письмам» и целому ряду других божественных посланий. Дерево, о котором идет речь в тексте № 381, явно символизирует мировое дерево (arbor mundi). Оно «голубое», т.е. «голубиное»; по крайней мере, скорее всего понималось именно так — небесное, связанное со Святым духом, символ которого — голубь.

Легенда сопровождается некоторыми деталями, которые должны были сообщать ей убедительную достоверность. Письмо будто бы никто не мог прочитать до 1913 г. (вероятно, и тут имеется в виду канун первой мировой войны!). Оно призвано защитить того, кто будет его переписывать и всегда держать при себе (от пули и меча, от злого человека и разбойника, роженицу — от трудных родов и т.п.). Кроме того, здесь говорится о необходимости чтить воскресенье как особый день недели, который освобождает человека от труда и должен не оскверняться грехами. Это заставляет вспомнить известную «Эпистолию о неделе», связанную с введением особого почитания воскресенья («недели») и отразившуюся в целом ряде сочинений средневековых вероучителей (архиепископа Евсея, отца Иакова и др.)¹².

Интересующий нас текст насыщен жестокими апокалиптическими угрозами неверующим и нарушителям предписаний «письма» (голод, чума, болезни, война, провал земли и невозможность избежать кары на Страшном суде и т.д.). Внушаются и вполне светские моральные правила (чтить отца и мать, не стремиться к богатству, помогать бедным и страждущим и т.д.).

И, наконец, в «письме» фигурируют загадочные (эниматические) мистические буквы и цифры, которые якобы изначально были в Хри-

¹² См.: Гальковский М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т.1. Харьков, 1916. С.335.

стовом «письме» — 18, R, Z, Ъ (характерно здесь сочетание латиницы и кириллицы) и в конце письма — 17, K, Z, R, S, L, P, E, S, K, C, N, R, Z, NR, Z, Z, 888 K, U, ZU, 888, W, B. «Письмо», как обычно, предписывается переписывать, перечитывать, рассылать и хранить постоянно при себе — это должно обеспечить максимальное использование сакрального и мистического потенциала «святого письма», помощь и защита которого столь необходимы в годину бедствий.

Историки, занимавшиеся остарбайтерами, не сомневаются в том, что отправителям было известно о существовании жестокой цензуры. Получив право на переписку, они, как и следовало ожидать, не получили права писать о том, о чем хотелось и надо было писать, хотя остарбайтеры не располагали никакими подлинными военными секретами. Известно, что работавшие на секретных военных объектах или на их строительстве (обычно мужчины-военнопленные) были в строгой изоляции, а после завершения работ уничтожались.

Любое письмо в таких условиях могло содержать только одну, точнее — одну и ту же, хотя и важную информацию — сообщение (или «сигнал») о том, что отправитель письма еще жив. В сборнике статей «Национал-социалистская система лагерей», изданном в 1990 г. под редакцией М. Ваймана, упоминались документы, свидетельствующие об обычных судьбах остарбайтеров. Упоминания эти обобщены в выразительных формулах: «Принудительные работы были только способом постепенного уничтожения» или «Уничтожение работой».

Жизнь могла предложить авторам письма только два выхода: попытаться написать что-то существенное о себе и о своей жизни, игнорируя цензуру, либо хоть что-то рассказать о себе намеками или эвфемизмами. Первый путь был опасен — могли последовать перевод в штрафной лагерь, обвинение в шпионаже, физическая расправа.

И все-таки во «фрейбургской коллекции» есть некоторый массив писем, в которых прямо говорится о тяжести лагерного быта. Их немного, но они примечательны как проявления отчаянной смелости. Оценка ситуации, в которой оказались авторы писем, обычно чисто эмоциональная — лагерный быт при этом обозначается некоторыми приметами. Так, в целом ряде частушек, о которых позже еще пойдет речь, называются бараки, барачные койки (не кровати, а именно койки — как у арестантов в тюрьмах), пища определяется словом «баланда».

Надоїли мне бараки,
Надоїла мне біда,
А ще гірше надоїла
Із травною баланда! (№ 540)

Надоели мне бараки,
Надоели мне койки,
Надоело мне жить
На чужой сторонке! (№ 1124)

В редких случаях прямо говорится о голоде:

Ляжу спать на кровать
і накриюсь з головою,
А та обрушина хліба, що осталосьь,
Ні дає спокою. (№ 535)

Или вполне конкретно: «Суп такой: шо крупа крупу догоняет» (№ 328).

В перетекстовке популярной песни «Раскинулось море широко...», говорится о тяжелой необходимости выносить постоянное унижение со стороны местного населения:

С беду коварной боротья нет сил,
Все люди тебя презирают:
Смотри, оборванец и пленник идет!
Все двери пред ним закрывают.

.....
Идет он голодный, усталый, больной
Как малый ребенок рыдает. (№ 557)

В другой перетекстовке той же песни:

А мимо проходит германский народ
И смотрит с каким-то укором,
Как будто для них мы есть злые враги,
Разбойники, плуты и воры... (№ 551)

Не случайно подобные строки, не имевшие шансов пройти цензуру, оказались в составе перетекстовок. Мой собственный опыт пребывания в немецком плену убеждал в том, что пение перетекстовок на известные мотивы было одним из наиболее безопасных способов высказаться. При приближении тех из охраны, кто знал язык и наиболее популярные песни, переходили на исходный текст, не имевший политического смысла.

Послевоенное изучение фольклористами репертуара лагерной песни остарбайтеров показало наличие значительного числа произведений, прямо связанных с движением сопротивления, партизанским движением и т.д. Все это не могло попасть в письма. В них лишь изредка проскакивает нечто, связанное с недовольством лагерной жизнью и попытками сопротивления (так, на карточке № 316 говорится о действиях партизан). Не менее редки и резкие формы поэтического обобщения ситуации. Например, в некоторых письмах мы

находим явное влияние библейских эсхатологических ожиданий: из моря вылезут чудовища и поглотят всех людей.

В ряде случаев отправители писем предупреждают своих близких, чтобы они не ожидали правдивого описания их жизни — это невозможно (№ 294). Прочитируем одну из выписок — характерный стихотворный стереотип: «Написала б тобі рай, але бумага край» (№ 924). В другом письме сообщалось: «Новостей у нас как в море воды» (№ 311).

Обобщенная оценка часто выражалась популярными поговорками с отрицательным смыслом. Подобные пассажи с трагической остротой выражали чувства одинокого человека в толпе несчастных людей — он (она) чувствуют себя «как рыба на песке», «как голый в репейнике», «как муха в бутылке» и т.п. (№ 33, 186, 266, 312 и др.). В одном случае (№ 222) в подобной функции оказывается реминисценция из известного стихотворения А.С.Пушкина «Узник» — «Сижу за решеткой в темнице сырой», — хорошо известного школьникам и превратившегося в одну из популярных народных тюремных песен.

Устные варианты ее печатались в песенниках с 70-х годов XIX в.¹³ Отметим характерный для фольклорной традиции семантический сдвиг — герой пушкинского стихотворения сидит в темнице; за окном молодой орел клюет кровавую добычу и зовет узника в горы. В приведенной выше цитате, как и в некоторых фольклорных переделках, герой — молодой орел, заключенный в темницу и рвущийся на волю¹⁴.

Невозможность написать о самом главном побуждала к созданию целой системы метафорических иносказаний. Она не была конвенциональной как специальные военные системы шифрования, при которых партнеры заранее договариваются о том, как будет шифроваться текст и как его предстоит расшифровать. Это и не примитивные приемы иносказания, применявшиеся при передаче сообщений по полевой телефонной связи и рассчитанные на подслушивание противником, не очень хорошо знавшим русский язык, его диалекты и сленги¹⁵. Большинство эвфемизмов или эвфемистических выражений

¹³ См.: Дурново Н. «Узник» Пушкина в народной переделке // Пушкинский сборник. М., 1900; Сидельников В.М. Фольклоризация произведений Пушкина // Пушкин на юге. Кишинев, 1961. Т.2. С.15–29.

¹⁴ См., напр.: Песни русских поэтов. В 2 т. / Сост. В.Е.Гусев. Т.1. Л., 1988. № 752.

¹⁵ Ср. в ст. Н.В.Новикова «Из фронтовых записей фольклориста» об условных словах и выражениях, применявшихся при разговорах по полевому телефону: «хозяйство» — батарея, полк, соединение; «бал», «свадьба» — предстоящее наступление, бой; «трубы» — пушки; «огурцы» — снаряды, мины; «Борис» — бронебойный снаряд; «Ольга» — осколочно-фугасный снаряд; «Шура» — шрапнель; «петь» — вести огонь из «Катюши» (реактивного миномета) (Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964. С.356–357). См. также: Кожин А. О словах с переносным значением в русском языке эпохи Великой Отечественной войны // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н.К.Крупской. Т.35. Труды кафедры русского языка. Вып.3. М., 1956. С.69–92.

были явно ситуативными, рождались спонтанно на почве крайнего эмоционального напряжения в экстремальной ситуации.

Система иносказаний стала складываться очень быстро, сразу же вслед за разрешением переписки. В середине 1942 г. в донесении гестапо из Винницы констатировалось: «Многие остарбайтеры пытаются проскочить сквозь цензуру при помощи условной кодовой системы. Об этом поступали официальные сообщения уже в июне 1942 года. Если украинцы писали: “У меня все хорошо”, это действительно могло быть “хорошо”; если писали “очень хорошо”, то это значит “очень плохо”». О том же пишет и составитель коллекции, в комментарии, занесенном в карточку: «Очень часто слова и выражения употребляются ради маскировки в противоположном смысле. Например, если пишется “мені живеться добре”, то имеется в виду “плохо”. Почти всегда и все надо понимать в дурном смысле. Например, если и употребляется превосходная степень “мені живеться дуже, дуже добро”, то имеется в виду “очень, очень плохо”. Другой пример: “будують будынка” (т.е. строят дом) — имеется в виду “дома разрушают”. “Я не голодный” — имеется в виду “я голоден”. Подлинный смысл легко угадывается из контекста, иной раз прямо говорится “догадайся” (т.е. догадайся)» (№ 275). Буквальное совпадение первой фразы этого комментария и донесения заставляет подозревать, что цитированные выше наблюдения винницких полицейских могли быть разосланы по цензурным отделам в составе какой-нибудь служебной инструкции. Но они могли возникнуть и спонтанно, так как в их основе элементарный и вместе с тем явный парадокс — слова в определенном контексте (письма и — шире — жизненной ситуации) могут обретать смысл, противоположный словарному.

Необходимо отметить, что широко распространившееся в среде остарбайтеров использование системы эвфемизмов не было чем-то неожиданным и удивительным. Известная часть советских людей, попавших в эти годы в оккупацию и оказавшихся в числе остарбайтеров, была еще раньше знакома с практикой цензурного контроля. Население восточных областей Украины и Белоруссии более двух десятилетий жило в условиях тоталитарного государства с хорошо организованным контролем за почтовой перепиской.

Гражданская война и сложнейший период коллективизации советской деревни, нарастание политических репрессий в конце 20-х–начале 30-х гг. приучили многих и к осторожности, и к умению обходить цензуру. Это, казалось бы, в меньшей степени должно было относиться к населению западных украинских и белорусских областей, входивших до 1939–1940 гг. в состав Польши. Однако до начала войны и здесь успели прокатиться волны коллективизации и политических репрессий. Впрочем, и в «польское время» на этих территориях гос-

подставали несколько более либеральные, но безусловно полицейские порядки.

Метафорические иносказания всегда очень широко использовались народами, живущими при тоталитарных режимах, как в Советском Союзе, так и в Германии, Италии или Испании¹⁶. О скрытом смысле подобной метафорической фразеологии давно уже написал замечательную книгу В.Клемперер¹⁷; аналогичное исследование советской фразеологии только еще начинается.

Оправдывается и наблюдение составителя коллекции об образовании эвфемизмов по антиномическому контрасту, в эвфемистических рядах: строить — разрушать; выходить замуж — умирать, погибать (свадьба — смерть); партизаны, взрывающие мосты, здания, — «архитекторы» и т.д. Кстати отметим, что формула «смерть—свадьба», получившая в письмах остарбайтеров функцию иносказания в условиях цензурного запрета на любое известие о смерти, имеет глубокие этнографические корни. Подобный комплекс в прошлом был известен многим народам. Его наличие неоднократно констатировалось и у восточных славян. Обычно он реализовался в особой форме похоронного обряда, когда покойницей оказывалась невеста или девушка на выданье¹⁸. «Фрейбургская коллекция» свидетельствует о том, что сходные представления оставались составным элементом сознания девушек брачного возраста, оказавшихся в Германии.

Не столь древнюю, но многолетнюю традицию имеет и использование имен известных адресату людей и их судеб для скрытого от цензуры сообщения. Например: «Оля уехала к Мише», если при этом известно, что Миша арестован, сослан или погиб. Нетрадиционным представляется называние стран женскими именами (№ 4, 5, 9, 94, 113): Ангелина — Англия, Аня — Америка, Нина — Неметчина (Германия), Света, Лисавета — страна Советов. Составитель так же сразу обратил внимание на эту особенность многих значений слов и выражений, занесенных им в картотеку, хоть и не выделил их в отдельную лексическую категорию. Эвфемистические значения обильно представлены в собраниях в отделах «Слова» и «Речевые обороты», можно

¹⁶ Использование в экстремальных ситуациях специфической системы эвфемизмов свойственно было самым различным социальным слоям в странах, где была установлена жестокая цензура. Так, например, племянник Б.Л.Пастернака, живший в Германии некоторое время после 1933 г., в письме дяде сообщал, что «живет хорошо, только не дают спать клопы и мухи, жаль, что не захватил с собой деревянное изделие по мерке» (т.е. гроб) (Пастернак Б.Л. Воздушные пути: Проза разных лет. М., 1988. С.360).

¹⁷ Klemperer V.L. Notizbuch eines Philologen. T.1. Halle (Saale), 1997.

¹⁸ Наиболее раннее свидетельство для восточных славян восходит к X в. (арабский источник). Об украинском обряде см.: Данилов В. Порівнянне весілля і смерті в українських погрібових голосіннях // Україна. 1907. № 7.

обнаружить их и в разделе «Народная поэзия». Не употребляя термина «Tarnsprache», составитель говорит о том, что выражения с обратным смыслом возникают с целью маскировки. В рубриках «Wörter», «Redewendungen» и даже «Volksdichtung» он старательно фиксирует множество таких эвфемизмов, касающихся главным образом быта оstarбайтеров и оккупированных районов, обозначения таких понятий как воздушные налеты, самолеты, бомбы, партизаны, пожары (см. соответствующие разделы). Зашифровано все, что даже косвенно касается уровня жизни, военных действий или приближения войск, посещений или диверсий партизан.

Интересно проследить словообразовательные тенденции создания таких эвфемизмов. Так, например, вражеские самолеты обычно отождествляются с птицами и летучими насекомыми, налеты — с неприятными погодными явлениями, сбрасываемые бомбы скрываются за словами, обозначающими угощение (гостинцы, конфеты, апельсинки); реже эвфемизм основан на зрительном образе — желтые червяки (бомбы). В эвфемизмах для партизан чаще всего усматриваются приметы среды обитания — лес, населяющие его животные, прожорливые насекомые и птицы. Реже встречаются эвфемизмы, основанные на отдельных приметах — молодости (хлопцы), внезапности появления (гости) или предметов одежды (капелюшники — от «капелюх» — шапка-ушанка, малахай).

Мы не знаем, как составитель реагировал на подобные уловки отправителей, будучи цензором, имевшим определенные служебные обязанности. Однако хочется верить, что он проявлял снисходительность к своим «подопечным». В этом предположении нас укрепляет его общая гуманистическая установка, его интерес к внутреннему миру, психологии, духовным ценностям и традициям оstarбайтеров.

По выпискам из писем оstarбайтеров, как бы старательно они ни были собраны, невозможно восстановить структуру самих писем.

К сожалению, традиции почтовой переписки русских, украинских и белорусских сельских людей остались малоизученными по тем же причинам, которые мы упоминали, говоря о «круговых письмах». С нарастанием отхода и тем более с появлением регулярной почтовой связи с середины XIX в. не только грамотные деревенские жители, но и неграмотные стали прибегать к почтовой переписке. О распространенности почтовой коммуникации к этому времени свидетельствуют популярные пословицы, поговорки и загадки, зафиксированные уже В.И. Далем в его «Толковом словаре» и отложившиеся целым разделом в антологии русских загадок, составленной В.В. Митрофановой¹⁹.

¹⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.3. М., 1882. С.113; Митрофанова В.В. Загадки. Л., 1968. С.145–146.

В литературе XVIII–XIX вв. можно найти множество свидетельств профессионального или непрофессионального писания писем за неграмотных или малограмотных людей (грамотными односельчанами, деревенскими писарями, приказчиками из различного рода лавочек, мелкими чиновниками и пр.). Из биографии Н.А. Некрасова известно, что после ссоры с отцом он промышлял на Сенном рынке писанием писем и прошений «за 5 копеек или кусок белого хлеба»²⁰. В 20-х гг. нашего века писал письма для односельчан и известный поэт М.В. Исаковский. Начиная со второй половины XVIII в., распространение получили «письмовники», содержащие образцы писем по разному поводу (особенной популярностью пользовался «Письмовник» Н.Г. Курганова, много раз переиздававшийся²¹). Заказчики писем требовали соблюдения определенного этикета, набора традиционных формул, привычных получателям²². При этом особенное значение имели начальные и заключительные словесные формулы. Если для устного народнопоэтического текста они были средством выделения его из обыденной речи (функция «делимитации»), то письменный текст, казалось бы, не нуждался в подобном приеме. Тем не менее роль начальных и заключительных формул в текстообразовании писем оstarбайтеров была столь очевидной, что составитель «фрейбургской коллекции» заполнил ими значительную часть своих карточек, подчеркнув их значение специальными пометами — «Brieftinleitung» (начало письма) и «Briefschluß» (конец письма) — и включив в наиболее значительный раздел своей коллекции — «Народная поэзия». Обозрение этого раздела убеждает в том, что у составителя было четкое представление о роли словесных формул в народной словесности не только устной, но и письменной. В этом смысле «фрейбургская коллекция» также уникальна: если словесные стереотипы восточнославянских сказок, песен, причитаний и других жанров уже учтены и основательно исследованы, то для изучения почтовых стереотипов восточных славян она несомненно станет важным источником, тем более, что простонародная традиция и в этой сфере, видимо, близка к самоизживанию. Известные до сих пор издания, например «Письма с фашистской каторги» (Киев, 1947), дают ограниченный материал²³.

²⁰ Евгеньев-Максимов В.Е. Жизнь и деятельность Н.А. Некрасова. Т.1. М.; Л., 1947. С.175.

²¹ См.: Денисов А.П. Н.Г. Курганов — выдающийся ученый и просветитель XVIII в. Л., 1961.

²² Бахтин В.С. Писал поэт, фамилии нет... // Звезда. 1992. № 1. С.163–171.

²³ См., напр., издания, связанные с первой мировой войной: Смирнов В. Солдатские письма. Пг., 1917; Путинцев А.М. Этнографические мелочи // Воронежский археологический вестник. 1921. № 2; Виноградов Н. Народные любовные письма // Живая старина. 1906. Вып.2. С.37–39.

Своеобразной и несколько неожиданной параллелью нашей коллекции может служить статья Ф.К.Вебера, который, подобно составителю «фрейбургской коллекции», был военным цензором в годы первой мировой войны, контролировавшим письма иностранных рабочих из славянских областей Австро-Венгрии (хорватов и словенцев)²⁴. Ситуация как будто схожая. Однако перед первой мировой войной иностранные рабочие сами отправлялись в Германию на заработки и жили в относительно благополучных условиях. Они могли вызывать недоверие, но все это было достаточно далеко от крайнего идеологического и расового ожесточения.

Вебера особенно заинтересовали «*stehende Formeln am Briefanfang*» (постоянные формулы в начале письма), характерные для писем подобного рода корреспондентов в отличие от образованных людей. Он приводит целый ряд примеров, сходных с теми, которые есть во «фрейбургской коллекции». Формирование стереотипных формул он объясняет необходимостью преодолевать психологическую трудность начала письма для не очень грамотных людей. Письму дается поручение лететь, чтобы попасть прямо в руки адресата, совсем как в письмах остарбайтеров. Приводятся также примеры формул «конца письма» и примеры почтовых формул из писем немцев из Баната. Таким образом, составитель «фрейбургской коллекции» как бы подхватил гуманистическую эстафету Ф.К.Вебера. Этот тезис можно принять, правда, только с двумя поправками. Составителю не могла быть известна коллекция Вебера, опубликованная только в 1956 г. Кроме того, ситуация 1914–1918 гг. была значительно благоприятнее для подобной деятельности.

Начальные формулы писем во «фрейбургской коллекции» составляют заметную часть выписок. В настоящем издании они образуют отдельный раздел, хотя выделение это условно, так как они подчас контаминируются с формулами, имеющими иные функции. Характерно, что наиболее простые формулы традиционны и, как это свойственно словесным стереотипам в устной традиции, ритмизированы и двухчастны. Например: «У первых слова моих слов — примите ад своей верной дочки Уси горячо-незгасимый поважаимой низабываемой родителский привет и нежной поцилуй с крепким рукоприжатием к своему сердцу» (№ 187).

В некоторых вариантах традиционный привет как бы превращается в словесное изображение поклона по старорусскому этикету («земной поклон») — правая рука поднималась и затем с поклоном головы

²⁴ Weber F.K. Volkspoesie in Briefen Kroatischen Bauern // Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28 Februar 1956 / Zusammengestellt von M.Woltner und H.Brauer. Wiesbaden, 1956. S.552–559.

опускалась до земли²⁵. В № 320 читаем: «Спішу я тобі свій скучно-сердечний привіт передати від серої землі і до твоєї білої груді, іще б нижче поклонилась, якби сера земля роступилась»²⁶, или в № 228: «Кланяюся я тобі від білих рук до самої сырої землі».

Большая группа писем начинается с этикетного приветствия — «здравствуй» («здравствуйте»), и далее перечисляются лица, с которыми автор письма «здравствуется» (№ 829); а каждый из родственников чувствуется поэтическим образом: мать — «зірочка видна» (т.е. видная звездочка), сестра — «роженька цветна» (т.е. красивая, яркая роза), брат — «травушка шовкова» (т.е. шелковая) (№ 829). Подобные перечисления могла предварять фраза типа «Прежде чем письмо писать, надо поздороваться» (№ 622). Как и в хорватских письмах, один из наиболее употребительных начальных стереотипов — «сяду за стол (у окна), правой рукой буду писать письмо, а левой поддерживать бумагу (или вытирать слезы)» (№ 597, 686 и др.). Он часто контаминируется с другим, еще более популярным: «лети, листок». Одна из наиболее интересных в историко-фольклорном отношении и одновременно одна из наиболее распространенных групп начальных стереотипных формул «фрейбургской коллекции» связана с орнитологической символикой. В сложной и богатой системе символов архаических слоев восточнославянского фольклора «птичья» символика, наряду с символикой растительной и др., имеет развитый комплекс поэтических функций²⁷, в который входит группа символов — «птица-вестник» с семантикой сиротства, одиночества, расставания, тоски по дому. Обычно в традиционных народных песнях это связано с эмоциональным миром молодухи, расставшейся со своими родными. Понятно, почему образ «птицы-вестника» часто встречается в письмах девушек и молодых женщин. Здесь мы сталкиваемся с примечательным стремлением к энергичной адаптации этих мотивов к ситуации, с превращением песенных стереотипов в почтовые. Соловей (видимо, прилетевший с родины) запел, и это побуждает сесть за письмо (№ 141, 826, 912 и др.). Птице — соловью, кукушке²⁸, орлу, вообще «пташке» (№ 900, 912, 1108 и др.) — поручается отнести письмо, минуя все преграды, и отдать его прямо в руки родным (№ 583 и др.). Орлу, что несколько необычно для этого сюжета, поручается силой отворить дверь хаты, влететь в окно. И, наконец, этот образ

²⁵ См., напр.: Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI–XVII столетиях. М., 1992. С.220–221.

²⁶ Описка: традиционно для восточнославянского фольклора не «серая», а «сырая» земля.

²⁷ См.: Бернштам Т.А. Орнитоморфная символика у восточных славян // Советская этнография. 1982. № 1. С.22–34.

²⁸ В украинских, белорусских и южнорусских диалектах — «зозуля».

трансформируется в устойчивый почтовый стереотип — лететь должно само письмо (№ 597, 686, 789, 825, 862, 1030 и др.). В стереотип проникают слова и речения, свидетельствующие о том, что в письмах остарбайтеров продолжалась интенсивная разработка этого образа. Так, устойчиво повторяется (№ 597 и др.) «лети, листок, с запада на восток» (трудно представить такую формулу в довоенное время) или лети через «Гирманский лисочок» (№ 1030). Характерны метафоры, отражающие незавершившийся процесс трансформации стереотипов: не «лети, орел» и не «лети, письмо», а «лети, письмо, орлом» (№ 895, 979 и др.).

Подобные стереотипы часто срачиваются со стереотипами другого рода, видимо, возникшими в свое время как специально почтовые — «сяду коло (о)кенса письмо писати» (№ 949) или «листа писать я начинаю своею правою рукой» (№ 789) и т.д.

Менее популярными, но достаточно развитыми были параллельные комплексы стереотипов-символов: о том, что надо писать письмо, напоминают ветер, прилетевший с родины, шелест деревьев (верба, явор и др.), ветру же поручается и нести письмо на родину; оно должно миновать чужие руки (№ 709, 813, 815 и др.). В № 815 это сочетается с т.н. отрицательным сравнением, столь характерным для славянского фольклора (типа «то не ветер веет»).

Наконец, с «птичьим» комплексом связано не только уникальное для «фрейбургской коллекции», но и вообще весьма редкое для восточнославянского фольклора упоминание «ирья» («вырья»), составляющего целую историко-этнографическую проблему. На карточке № 232 в разделе «Речевые обороты» обнаруживается выписка — «Бузьки вертаються у вирій». Составитель не понял значения слова «вирій» (или поверил неосведомленному информатору) и перевел его как «Nest» (гнездо). Его не смутила несогласованность: «бузьки», верно переведенное им во множественном числе — «Storche» («аисты») и «вирій» — по форме явно единственное число (переведенное не «Nest», а «Neste»). Разумеется, в условиях военного времени составитель не мог располагать словарями и специальной литературой, иначе он получил бы необходимую справку даже в хорошо известном славистам «Толковом словаре» В.И. Даля, где дано основное значение загадочного слова — «далекий край», древнее (возможно праславянское) название рая и райского мирового дерева, куда птицы улетают осенью и откуда прилетают весной, отмыкая ирий/вырий ключом²⁹. Этимология этого слова и его семантические связи, что обычно для столь древних мифологических представлений, до сих

²⁹ См.: Иванов В.В., Топоров В.Н. Вырий // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. Т.1. М., 1991. С.254; Етимологічний словник української мови. Т.1. Київ, 1982. С.380 (библиография).

пор вызывают дискуссию³⁰. Во «фрейбургской коллекции» оно встречается на карточке с пометой «Галиция» и в форме, обычной для украинского языка (протетическое «в», мужской род).

Вторым важнейшим структурообразующим элементом писем были, несомненно, заключительные (финальные) формулы, придававшие письму цельность и завершенность. Конец письма, если держаться объяснения Вебера, не представлял такой психологической трудности, как начало. В конце письма вполне естественно возникало сравнительно ограниченное число тем: сообщение о завершении письма с различной мотивировкой (кончается бумага, солнце заходит или уже ночь, пора кончать, «на последней строчке ставлю я точку» и напутствие письму: «лети, листок»³¹, слова прощания, пожелания и просьбы о скорейшем ответе). Кроме сообщения о том, что автор письма жив, самое главное было получить хоть какое-нибудь известие о родных и близких, также, возможно, находившихся на краю гибели³².

У начальных и заключительных формул много общего. Как уже говорилось, большинство из них стихотворны. Это не случайно — ситуация требовала эмоциональной разрядки, необычного способа выражения чувств. То же самое можно сказать и о письмах в другие годы больших испытаний (ср. солдатские письма в годы первой и второй мировой и гражданской войн, материалы Вебера и др.). При этом кроме специализированных почтовых стереотипов использовались т.н. «альбомные стишки», традиционные надписи на фотокарточках и, конечно, цитаты из фольклорных произведений (песен, частушек и т.д.). Многие заключительные формулы лапидарны, но характерна чрезвычайная активность их варьирования. Это обычно рифмованные двустипшия, например, с первой строкой «Жду ответа...» и второй, представляющей собой зарифмованную метафору. Автор письма ждет ответа «как соловей лета» (№ 880), «как роза цвета» (№ 778), «как соловей деток» (№ 968), «как кукушка лета» (№ 728), «как ласточка лета» (№ 620), «как сокол лета», «как птица лета» (№ 843), «как воды в жаркое лето» (№ 765), «как босой лета» (№ 279), «как ребенок конфету» (№ 817), «как голодный обеда» (№ 606) и т.п. В этом стереотипе поэтическая энергия сказалась в особенно активном варьировании и актуализации тех вариантов, которые уже существовали.

³⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева. Т.2. М., 1964. С.137–138; Этимологический словарь славянских языков: Пра-славянский лексический фонд. Т.8. М., 1981. С.236–237 (оба издания с библиографией).

³¹ В украинском и белорусском языках «ліст» — письмо; вместе с тем: лист бумаги, древесный лист и т.д.

³² В оккупированных областях погибло около 11 млн человек (словарь «Великая Отечественная война». М., 1985). См. также: Нюрнбергский процесс. Т.3. М., 1966.

В заключительных формулах традиция довоенных писем³³ проявляется не менее сильно, чем в формулах вводных. Так, например, в № 607 говорится: «Письмо писать кончаю, Кладу его в конверт...», хотя конвертами, как уже говорилось, остарбайтеры не пользовались. Вероятно, не лагерный, а давний крестьянский быт отражается и в формуле «свеча догорает» (№ 757) или тем более в формуле «Письмо я писаць я уже кончаю, Смотрю на время — первый час, А сердце кровью обальеца, Когда я вздумаю про вас» (№ 753). В лагере, конечно, не допустили бы такого нарушения режима. В сложной заключительной части письма, представляющей собой монтаж из фольклорных мотивов, гедонистических «альбомных стишков» и популярного ромansa («Веселья час и боль разлуки...»), связанного с исполнением Л.Руслановой³⁴, упоминается шампанское, — тоже явно не лагерная деталь (№ 485).

В заключительной части письма обычно еще раз передавались приветы родным и близким, нередко облеченные в поэтические формулы (например в № 943: «Пишу вам правою рукою, I передаю я вам быстрою водою»). Часто звучало признание, что отправитель, хоть и пишет стихами, но не считает себя поэтом:

Писать красиво не умею.
Ведь я не Пушкин, не Крылов,
И напишу четыре слова:
Живи, учись и будь здоров. (№ 729)

Пожелание «учись» при невозможности учиться не только в лагере или в немецкой деревне, но и в оккупированных районах тоже характерно³⁵. Вместе с тем в стереотипные формулы врываются неизбежно и приметы времени. Например, двустрочная рифмованная формула:

Америка, Африка, Индия i Китай —
прошу, дорогая Галечко, не забывай! (№ 849),

которая варьируется:

Англия, Америка, Германия, Китай,
В какой стране не будешь,
меня не забывай. (№ 496)

³³ Ср.: Федорченко С. Народ на войне. М., 1990; Смирнов В. Солдатские письма. Пг., 1917; Войтловский Л. По следам войны: Походные записки 1914–1917 гг. В 2 т. Л.; М., 1925–1927. О стихах в письмах И.А.Федосовой — крупнейшей исполнительницы русского фольклора XIX в. — см.: Чистов К.В. Неизвестное письмо И.А.Федосовой // Культурное наследие Древней Руси. М., 1978. С.417–419.

³⁴ См.: Русские песни из репертуара Л.Руслановой. М., 1973.

³⁵ Прочитанное выше четверостишие дословно приводится и у Бахтина: Бахтин В.С. Указ. соч. С.166.

В № 933 — «много спрашивать не буду» — намек на то, что условия переписки явно не благоприятны. Эти строки вмонтированы в довольно обычное альбомное стихотворение. Многие письма кончались пожеланиями добра. Готовых формул для этого было предостаточно. Завершающую роль играли и формулы типа «Целую я вас 100 раз, а были бы вместе, поцеловала бы и двести» или «Заместо марки поцелуй жарки» (заметим, что марками остарбайтеры не пользовались, это тоже образ из довоенных времен)³⁶.

Один из наиболее простых и вместе с тем распространенных способов повышения эмоциональности формулы — введение в нее имени подруги, сестры, возлюбленного — Оля (№ 1011), Таня (№ 1003), Во-силько (№ 648), Зонька и Льонка (№ 999) и др. Оно требовало ритмической корректировки формулы и было одним из стимуляторов варьирования. Абстрактная формула приобретала живой человеческий смысл, реальное содержание.

Третий раздел «Почтовых стереотипов» мы назвали «Приметы времени и места». Здесь порой особенно ярко сказывалась творческая фантазия отправителей писем, создающих свои варианты устойчивых формул в трудных условиях подневольной работы, разлуки с родиной.

Из всех известных нам документов, доставшихся исследователям от времен второй мировой войны, выписки, собранные во «фрейбургской коллекции», могут быть сопоставимы, пожалуй, только с надписями, оставленными узниками гестаповской тюрьмы «Эль-Де» в Кельне. Вместе с тем между ними есть существенные различия. Гестаповские узники ожидали своей участи, не имея никаких надежд и переживая крайнюю степень отчаяния, на пороге которого постоянно были авторы «фрейбургских писем». Но и те и другие стремились выразить свою человеческую сущность, оставить какой-то след своего существования, обратиться с прощальным словом, приветом, заветной мыслью к родным и любимым, даже не рассчитывая на то, что те об этом узнают. Даже в гестаповском застенке сочинялись стихи, припоминались дорогие сердцу песни, частушки, изречения, пословицы. При расчистке стен кельнской тюрьмы «Эль-Де» под слоем штукатурки и краски обнаружены поразительные документы, которые войдут в историю XX века³⁷.

Большинство отправителей писем были в той или иной мере носителями устной фольклорной традиции — архаической или более поздней (т.н. жестокий романс, сентиментальные песни литературного или полулитературного происхождения в народном обиходе), и,

³⁶ Ср.: Бахтин В.С. Указ.соч. С.164 и др.

³⁷ Die Wandinschriften des Kölner Gestapo-Gefängnis in El-De-Haus, 1943–1945 / Bearbeitet von M.Huiskes. Köln; Wien, 1983. 360 S.

видимо, часто одновременно более или менее примитивной письменной традиции. Многие из них были маргиналами, хранившими в своей памяти ограниченный запас фольклорного знания и, может быть, в мирное время не обращавшимися к нему столь активно, получившими только какие-то начатки школьного образования. Об этом свидетельствует довольно значительное количество орфографических погрешностей и не очень четкое различие традиций трех родственных, но вполне самостоятельных литературных языков — русского, украинского и белорусского — и в орфографии, и в лексике, и в морфологии (нечеткость употребления «и» и «і» для украинских текстов, следование то корнево-му принципу русской, то фонетическому белорусской орфографии, чередование русских и украинских суффиксов имен существительных и окончаний глаголов и т.п.). Вместе с тем это не восточнославянский «волапюк», а свидетельство определенного уровня образования и культуры. Среди отправителей писем явно преобладали деревенские девушки с начальным образованием — черта, в определенной мере характерная для западных областей Белоруссии и Украины, где школьная сеть к началу войны была заметно менее развита, чем в восточных областях, входивших с начала 20-х гг. в состав Советского Союза.

Не случайно из собственно фольклорных жанров в выписках особенно ярко представлены такие малые жанры, как пословицы, поговорки, частушки и фрагменты причитаний. Они могут с равным успехом встраиваться и в разовую, и в фольклорную устную речь и играть роль почтовых стереотипов. Пословицы и поговорки, встречающиеся в письмах, выполняли обычно роль готового средства — лаконичного, образного и равно понятного как отправителям, так и получателям писем.

Важнейшая тема пословиц и поговорок — трагическое одиночество лагерной невольницы, несмотря на многолюдство лагеря. В этом чувстве сублимировались и непрерывное существование на краю гибели, и тревога за оставшихся дома, и все формы понятной в такой ситуации ностальгии. Эти три темы тесно переплетаются и переходят друг в друга. Автор письма одинока, как «пень в поле» (№ 292), как «яблоко, упавшее с яблони» (№ 241), «как сорока на заборе» (№ 332), как «пес на соломе» (№ 327), «как собака на привязи» (№ 356) и т.д.

Пословиц и поговорок во «фрейбургской коллекции» не очень много. Однако надо иметь в виду, что они тесно сопрягаются с фразеологизмами, эвфемистическими фразеологизмами, жаргонной лексикой и т.д. Это, как правило, народный слой поговорок и пословиц. Речевых оборотов литературного происхождения почти нет. Характерен массив иронических пословиц и поговорок. Например, «Пусть конь тоскует — у него голова большая» (№ 271), «не видели на чем орехи растут» (№ 204), «и у нашей козы хвост вырастет» (№ 233), «ждет как цыган меда» (№ 280), «кто тонет — готов за бритву схватиться» и

т.п. Или типичный веллеризм³⁸ — «прошли медные трубы — попали черту в зубы» (№ 278). Фон этого веллеризма — популярная поговорка «прошел огонь, воду и медные трубы», т.е. побывал во всех переделках и ничего не случилось. Иронические пословицы и поговорки и веллеризмы очень важны для правильной оценки менталитета отправителей писем, они подтверждают тот факт, что, несмотря на все унижения и бедствия, многие остарбайтеры не теряли чувства юмора, а следовательно, и человеческого достоинства.

Частушка была тоже одним из видов готовых традиционных формул, черпавшихся из общего фольклорного резерва. Начиная с середины XIX в. это один из наиболее популярных жанров русского фольклора, рифмованная гуляночная песенка, преимущественно молодежная. Ее распространение связывается с вхождением в быт русской деревни гармонии, под которую ее обычно пели и парни, и девушки. Репертуар частушек был весьма обширен и постоянно пополнялся импровизациями, которые очень ценились сельской и низовой городской средой. С 80-х гг. XIX в. опубликованы многие десятки тысяч частушек, бытовавших у трех восточнославянских народов³⁹.

Во «фрейбургской коллекции» более семидесяти частушек. Это не так много. Они выполняют все ту же коммуникативную функцию. Они традиционны, но вместе с тем допускают импровизацию. Поэтому большая часть частушек связана с лагерным бытом. Это и часто повторяющаяся и уже цитировавшаяся нами частушка «Надо́ли мне бараки...» (№ 540 и др.), и другие жалобы в том же духе. Например, в № 531 говорится:

Куда вітер дунет,
Туда хилиться трава,
Куди глянеш та посмотриш —
Все чужая сторона.

Или более обобщенно:

Наша жизнь теперь разбита,
Мы живем в чужом краю,
Мабудь больше не вернемся
На Украину родну. (№ 561)

Целая группа частушек содержит страстный призыв к получателям письма не забывать (№ 1190, 1192, 1197, 1218 и др.) и одновременно

³⁸ «Веллеризм» — термин, введенный в мировую фольклористику А.Тэйлором для обозначения иронического толкования или иронического дополнения пословиц и поговорок (типа «Жизнь бьет ключом... и все по голове» или «Тише едешь — дальше будешь... от того места, куда едешь»).

³⁹ Библиографию см. в кн.: Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии. С.444–446.

столь же решительные уверения, что отправитель письма их не забудет. Иногда эти уверения звучат как клятва (№ 1097). Формула любовной клятвы хорошо известна в традиции русских частушек, однако характерно, что здесь она часто употребляется и для выражения верности дочери, матери, подруге. В этом нельзя не усмотреть проявлений настоящего культа верности, любви, дружбы, постоянства, особенно развившегося в жестоких условиях войны, плена, принудительной депортации, тяжелейших подневольных работ. Проявления его могут показаться современному читателю чрезмерно напряженными или сентиментальными, однако они заслуживают другой оценки, — это тоже был один из способов утвердить свое человеческое достоинство, почувствовать себя человеком, а не презираемым рабом. В подобных экстремальных условиях простейшие и точные слова обретают свой первоначальный смысл — кровь, мать, любовь, родина и т.п.

Число же чисто гуляночных молодежных частушек, столь популярных до войны, здесь ничтожно.

В этом разделе коллекции творческая активность отправителей писем проявляется очень ярко, но в ситуативной импровизации. Один из ее видов — типичное для восточнославянской традиции нанизывание частушек в так называемые «частушечные цепочки», связанные единой темой или поэтической логикой (№ 509, 524, 526, 1102, 1124, 1175).

В этой же связи — как резерв готовых формул — следует назвать причитания. Их сравнительно мало. Составитель не выделял их, как, впрочем, не выделял он и частушки, и другие жанры фольклора, о которых речь еще впереди. Все они у него помещались под рубрикой «Народная поэзия», а внутри были только намечены некоторые темы. И все-таки имеющиеся в коллекции тексты причитаний интересны. Если в большинстве других жанров жизненная ситуация рисуется в самом обобщенном виде, так как «детали» были небезопасны в цензурном отношении, то причитания содержат горестные lamentации о том же самом. Тексты или фрагменты причитаний представлены на трех языках, но с явным преобладанием украинского. Это важно, так как в отличие от русской, очень развитой традиции причитаний, украинская не была столь яркой особенностью национальной фольклорной традиции. Внеобрядовые же украинские причитания почти неизвестны, поэтому особенного внимания заслуживает то, что во «фрейбургской коллекции» только один текст прямо связан с похоронным обрядом, и то несколько условно. Остальное — это рассказы о том, как дочь причитала на похоронах матери, видимо, незадолго до депортации (№ 497), или другие сходные темы, но тоже сетования необрядового характера. После некоторого вступления, или прямого обращения к адресату (матери, отцу и т.д.) (№ 563), или изображения автора письма плачущей (№ 564) следует само причита-

ние или фрагмент его. Иногда дочь пишет о том, что вспоминает мать плачущей, вспоминающей о ней (№ 585). К упомянутым текстам при- мыкают явно импровизированные ламентации, в которых традиция сказывается не в столь сильной мере (№ 916, 1116, 1181, 1186). В некоторых случаях ламентации включают традиционную начальную почтовую формулу — «сяду я за стол писать» (№ 1181) — или даже строку из известной тюремной песни «Солнце всходит и заходит...» (№ 1186)⁴⁰. И, наконец, один текст (№ 1082) содержит в себе отражение типичного для традиции причитания мотива «унимания», уговари- вания не плакать.

Разделы «Из народных песен и жестоких романсов», «Перетекстов- ки популярных песен» и «Собственные стихи» еще более условны. Общее их отличие в том, что большинство текстов здесь имеет более или менее завершённую структуру. Эти три раздела тоже, к сожа- лению, не дают оснований для суждений о песенном репертуаре остар- байтеров как целом. Но, впрочем, о нем писалось в многочисленных публикациях и исследованиях русских, украинских и белорусских пе- сен времен войны (см. важнейшие библиографические указатели М.Я.Мельца, описанные нами на с.11).

Годы войны для русской, украинской и белорусской фольклористи- ки, как ни кощунственно это звучит, были как бы гигантским экспери- ментом, поставленным самой историей. Миллионы людей оказались вырванными из привычной среды и привычного образа жизни. Печать, радио, кино, театры, книги и другие средства массовой информации стали вдруг недоступны солдатам, жителям оккупированных областей и беженцам из них, партизанам, военнопленным, узникам нацистских ла- герей. Образовалась огромная по масштабам устная среда. Структура устной коммуникации, ее стереотипы, песенный репертуар, творческие процессы очень ясно обнаруживали свою природу, свои традиции, фик- сировали вполне конкретный этап развития бытовой культуры.

Авторы писем активно опирались на традиционные фольклорные знания и письменные формы народной словесности, хотя даже при всей энергии адаптации они не могли полностью удовлетворить их. Пробелы заполнялись т.н. перетекстовками⁴¹ и стихами собственного сочинения с большим или меньшим использованием фольклорных

⁴⁰ Первая строка известной тюремной песни, возникшей, вероятно, в 80-е гг. XIX в. и ставшей особенно популярной после включения ее Горьким в пьесу «На дне». См.: Василевский В.А. Кто автор песни «Солнце всходит и заходит»? // Алтай. Барнаул, 1961. № 17. С.150–151; Песни русских поэтов. Т.2. Л., 1988. С.485.

⁴¹ См.: Гудошников Я.И. Виды и типы переделок литературных писем в советском фольклоре // Русский фольклор. Т.9. Л., 1964. С.115–121; Дымшиц А.Л. Народное творчество в годы Великой Отечественной войны // Очерки русского творчества советской эпохи. М.; Л., 1952. С.411–429.

или литературных стереотипов. Имея дело с подобными сочинениями, мы во многих случаях лишены возможности определить, созданы ли подобные стихи самим автором письма или он (она) воспользовался прочитанным, слышанным от друга или подруги. Невозможно также установить, пелись ли эти стихи. Только в редких случаях обнаруживаются пометки, что-то разъясняющие. Так, о № 522 говорится, что песня сложена девушками в лагере, о № 572: «Стой [той] стишок складеной Васи́лем, кода его знаеш», о № 1266: «Песня из Херсона» и т.п. Подруги в лагере или батрачки в крестьянских хозяйствах в одних и тех же или соседних деревнях несомненно обменивались письмами из дома и своими еще не отосланными письмами. Подобное же происходило и между лагерями: на многих карточках стоит помета «из лагеря в лагерь».

Значительную трудность также представляет дифференциация подлинных народных песен и стилизаций и вариантов, специально препарированных для писем (№ 585, 1112, 1129, 1179, 1237 и др.)⁴².

Настоящим изданием преследуется цель показать интерес и ценность вновь обнаруженного источника, привлечь к нему внимание читателей и исследователей. Специалисты по фольклору и литературе трех восточнославянских народов, вероятно, сумеют со временем прокомментировать каждый текст. Здесь мы остановимся только на тех вопросах, которые представляются наиболее неотложными.

В репертуаре и русских, и украинских, и белорусских деревень к концу XIX—началу XX в. кроме классической архаической народной песни уже совершенно определенное место занимали т.н. мещанские романсы городского происхождения, песни, пришедшие из сентиментально-романтической поэзии первой половины XIX в. (у украинцев и белорусов этот процесс развивался несколько медленнее), а также сформировавшиеся к концу XIX в. рабочие песни, частушки, песни тюремные, бродяжнические, у украинцев и белорусов — песни, связанные с трудовой эмиграцией, и т.д. В художественном отношении они были неравноценны, однако для авторов писем все это были песни, которые они знали — пели или слышали дома. Любое напоминание о них на чужбине было очень значительным, нужным, актуальным, соответствовало все нараставшей лагерной ностальгии. При этом даже наиболее традиционные фольклорные тексты оказывались негерметичными. Они довольно легко инкорпорировали обусловленные временем мотивы, строки, слова. Мы неоднократно демонстрировали подобные факты. Такие же примеры есть и в других разделах.

⁴² Уникальный случай для «фрейбургской коллекции» — текст шахтерской песни (№ 494). Не исключено, что распространение этой песни связано с тяжелейшими (по сравнению с другими отраслями промышленности) условиями труда остарбайтеров в шахтах Рурского бассейна (более 200 тыс. человек).

Естественно, что целая группа текстов тематически, ритмически (и, очевидно, мелодически) ориентирована на сиротские (т.н. жестокие) романсы. Например:

Ах зачем меня мать породила,
Ах зачем родила меня мать,
Чтобы жить и страдать в Германіі
И германскую жизнь испытать. (№ 525)

Варианты этой темы обнаруживаются и в группе текстов, возникших под влиянием очень популярного стихотворения С.Есенина «Письмо матери». Впрочем, это тоже нельзя доказать бесспорно, так как стихотворение Есенина само возникло под влиянием песен и стихов-писем деревенских парней, уехавших в город и теряющих деревенские традиции в городской суете⁴³. Характерно, что во «фрейбургской коллекции» «письмо» матери обычно посылается от имени дочери, а не сына (№ 525, 1029, 1269 и др.), что не было свойственно старой традиции. Эти тексты как бы возводят мост между традиционными песнями парней — мигрантов в города (а также очень популярными в годы второй мировой войны характерными песнями-письмами солдат, партизан, невольников, особенно девушек, вывезенных в Германию) к родным, друзьям и возлюбленным на родину и ответными письмами-песнями⁴⁴. Во «фрейбургской коллекции» мы встречаемся как бы и с письмами-песнями и с песнями в письмах. Они обобщали, абстрагировали и художественно перерабатывали подлинные (а не проективные) переживания. Им свойственны непосредственная коммуникативная функция и, если речь шла о певшихся песнях или их фрагментах, — перевод коммуникации аудиальной в визуальную, из устной в письменную.

Анализ источников поэтических реминисценций приводит к результатам, подобным тем, которые уже формулировались. Остарбайтеры в своей массе существовали в промежуточной сфере между традиционным деревенским фольклором, который переживал сложные времена под влиянием фольклора городских низов и мещанства, и высокой поэзией, известной в ограниченных пределах начальной школы. При этом литературные тексты в некоторой своей части нередко проходили предварительную обработку в народной среде. Кроме стихов Есенина здесь могут быть названы произведения Пушкина (пример с его «Узником» уже приводился) и Лермонтова (реминисценция из поэмы «Воздушный корабль», являющейся переработ-

⁴³ Коржан В.В. Есенин и народная поэзия. М., 1969.

⁴⁴ Русский фольклор Великой Отечественной войны. С.132–134. Характерно, что в те же годы к жанру послания на фронт, с фронта в тыл и т.д. обращаются многие поэты — В.Лебедев-Кумач, И.Уткин, С.Михалков и другие.

кой стихотворения австрийского поэта И.Х.Цедлица «Корабль призраков»). В последнем случае мы имеем в виду своеобразную поэму (№ 572), первая строка которой заставляет вспомнить произведение Лермонтова. Сложил ее, как уже говорилось, некий Василий. Но кто это был, мы не знаем. Письмо было послано из одного лагеря в другой, а в самой поэме говорится об опасности, грозящей немецкому транспорту со стороны подводных лодок. Был ли автор песни в какой-нибудь вспомогательной команде военнопленных на транспортном корабле и тоже подвергался подобной опасности? От Лермонтова здесь — только общий ритмико-синтаксический строй стиха.

Составитель двухтомного сборника «Песни русских поэтов», на который мы уже ссылались, В.Е.Гусев отмечает в примечаниях появление лермонтовского текста, положенного на музыку Г.Базилевским, в печатных песенниках с 60-х гг. XIX в. Свидетельства о проникновении «Воздушного корабля», причем в заметно сокращенном виде, в крестьянскую культуру известны с 1890 г. (Однако особую популярность он приобрел в городской среде⁴⁵.)

Перетекстовки, которые связаны с исходным текстом только одной строкой, играющей роль зачина, — весьма распространенное явление. Оно хорошо известно было в архаических слоях фольклора. Под влиянием традиционных зачинов иногда формировались целые тематические группы песен. Например, во «фрейбургской коллекции» текст под № 1310 связан с первой строкой популярной в 30-е гг. песни из кинофильма «Истребители», написанной Н.Богословским на стихи Е.Долматовского и часто исполнявшейся по радио («В далекий край товарищ улетает...»), № 1014 — с первой строкой из полуфольклорной песни «Позарастали стежки-дорожки...». Или первая строка одной из популярнейших украинских песен «Віють вітри, віють буйни», созданной И.П.Котляревским; в 30-е гг. XX в. эта песня часто звучала по радио и тиражировалась на патефонных пластинках, записанных знаменитым исполнителем украинских песен И.С.Паторжинским. Подобные перетекстовки выполняли двойную функцию — напоминали о любимых песнях, о родине, доме, семье и давали возможность выразить эмоции, связанные с ситуацией, в которой жили остарбайтеры (постоянная угроза гибели — и своей, и родных и друзей, тревога за них, разлука с ними, надежда на окончание войны и возвращение домой).

Несмотря на то что значительная часть остарбайтеров была вывезена из западных областей Украины и Белоруссии, среди них оказались особенно популярными перетекстовки, создававшиеся на основе примерно тех же песен, что и у основной массы солдат на фронте, у

⁴⁵ См.: Виноградов Г. Произведения Лермонтова в народнопоэтическом обиходе // Лит. наследство. Т.43/44. М., 1940. С.353–388; Песни русских поэтов. Т.1. С.628.

жителей тыла, оккупированных областей, у партизан. Разумеется, песни или их фрагменты, прямо связанные с Красной Армией, партизанским движением или движением сопротивления, попасть в письма не могли⁴⁶. Поэтому, например, породившая наибольшее число перетекстовок (их зафиксировано более пятидесяти⁴⁷) в предвоенные и послевоенные годы «Катюша» (М.Исаковского — М.Блантера), несомненно известная и остарбайтерам и в исходном виде, и в перетекстовках, не отразилась во «фрейбургской коллекции». В коллекции содержится более полутора десятков перетекстовок популярных в 30-е гг. песен («Раскинулось море широко...»), «Чайка смело пролетела...», «Синий платочек», «Позарастали стежки-дорожки...», «В далекий край товарищ улетает...», «Светит месяц, светит ясный...», «Прошли веселые денечки...»). Видимо, на втором месте после «Катюши» по числу перетекстовок была песня «Раскинулось море широко...», представленная во «фрейбургской коллекции» шестью текстами (№ 529 — два варианта, № 551, 556, 557, 597). Всего же фольклористами опубликовано более тридцати перетекстовок, и значительно больше их хранится в архивах Петербурга, Москвы, Киева, Минска и в других.

«Катюша» возникла на памяти нынешнего поколения фольклористов (1939 г.) и распространилась очень быстро. Почти сразу же стали возникать и перетекстовки. История песни «Раскинулось море широко...» длительнее и сложнее, но вместе с тем она весьма характерна. Поэтому мы коротко остановимся на ней.

В 1844 г. второстепенный русский поэт Н.Ф.Щербина опубликовал стихотворение «После битвы», в котором отразилось его увлечение новогреческими песнями, получившими популярность в ряде стран Европы, в том числе и в России, в связи с греческим восстанием «клефтов» против турецкого владычества (1821–1830). Стихотворение было положено на музыку А.Л.Гурилевым и приобрело особенную популярность в годы Крымской войны 1853–1856 гг. Оно становится народной матроской песней. Позже профессиональная переработка ее была осуществлена поэтом Г.Д.Зубаревым, и новая популярность ее падает на годы русско-японской войны 1904–1905 гг. Песня получает название «Кочегар» и включается в цикл активно бытовавших песен о трагической гибели моряка («Варяг» и др.). Ее популярность еще возросла, когда известная в начале века исполнительница романсов и песен Н.В.Плевицкая записала ее на пластинку. В 1911 г. был издан лубок с текстом, разошедшийся в различных

⁴⁶ См.: Русский фольклор Великой Отечественной войны. С.103–148.

⁴⁷ Розанов И.Н. Песни о Катюше как новый тип народного творчества // Фольклор Великой Отечественной войны. Л., 1964. С.310–325. Розановым было собрано более 100 текстов.

районах России⁴⁸. И, наконец, настоящее возрождение песни пало на предвоенные годы. Это было связано с включением ее в музыкальную композицию «Два корабля», поставленную Леонидом Утесовым. Утесовская обработка завершила вторичное превращение песни в народную. «Кочегар» стал одной из наиболее популярных массовых песен предвоенных и военных лет. Отсюда — множество перетекстовок. О них говорят все исследователи русского, украинского и белорусского фольклора времен войны⁴⁹. Опубликованы тексты, демонстрирующие разные типы перетекстовок этой песни, — о гибели летчика, танкиста, партизана и, конечно, матроса (на Черном море, под Севастополем). Тем интереснее перетекстовки, отразившие судьбу остарбайтера. На одном из текстов сохранилась помета, из которой следует, что письмо было послано из лагеря в Ромбахе (Лотарингия) в лагерь Бассенхайм у Кобленца, на других помета — «из лагеря в лагерь». Сразу после войны какой-то офицер передал поэту Александру Твардовскому найденную в опустевшем лагере тетрадь Нади Коваль, озаглавленную «Альбом для пісень з життя в Германії 1944 року». Среди других в ней была и песня «Раскинулись рельсы широко...». После войны сходные варианты записывались от девушек из лагерей под Гессеном, в лагерях Адлергешталь, Даргебенц (под Свиномюнде), Дретц (под Нойштадтом), в лагере под Берлином и т.д.

В перетекстовках из «фрейбургской коллекции» три различных зачина: «Раскинулись рельсы далеко» (№ 529), «Раскинулись степи широко» (№ 557) и «Заброшен судьбою в германских лесах» (№ 551). Все они объединены одной темой — непереносимость лагерной жизни и гибель невольницы (невольника — № 551 — редкий для коллекции мужской вариант). № 529 особенно близок к послевоенным записям перетекстовок с зачином «Раскинулись рельсы широко (далеко)» и отличается от них только многострочностью, несколько удивительной для текста, включенного в письмо⁵⁰. Авторы писем будто стремятся превратить их в поэмы, способные побольше сказать о лагерном быте. Происходил как бы обратный процесс. В обработке Зубарева была 21 строфа, в народном обиходе «Кочегар» сильно сокращался, а в письмах снова удлинялся.

⁴⁸ Гиппиус Е. В. Раскинулось море широко: История песни. М., 1962; см. также примечания В.Е.Гусева в кн.: Песни русских поэтов. Т.1. С.643; Т.2. С.495.

⁴⁹ Крупянская В.Ю., Минц С.И. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. М., 1952. С.23, 96–97, 100–104, 162–163; Русский фольклор Великой Отечественной войны. С.137–139.

⁵⁰ В.Ю.Крупянская и С.И.Минц приводят (с.162) 3 строфы, в «Песнях русских поэтов» (с.400) их 6, в варианте, записанном в Белоруссии (Пазыя барацьбы. С.150–151), — 5, в сборнике В.С.Бахтина максимальное число — 7 (Сказки, песни, частушки, приговорья Ленинградской области. Л., 1982. С.273–274).

В выписке из перетекстовки под № 529 говорится о том, как девушек вывозят в Германию. Надежды на возвращение на родину нет. В № 551 и 529 развивается еще и другая тема, которую мы упоминали, — невозможность существовать в условиях всеобщего презрения со стороны немцев. Однако между этими двумя текстами прямой связи нет, словесное воплощение отличается. Причем в № 557 неожиданно возникают размышления о том, как депортированные невольники будут возвращаться домой. Нет уверенности, что возвращение успешно осуществится — придется пройти словно сквозь строй людей, презирающих остарбайтеров. Перед пленником в разодранной одежде закрываются все двери. Он погибает, как «очегар» и все герои, замещавшие его в других перетекстовках.

Формирование перетекстовок осуществлялось по общим законам развития фольклора — новое или отчасти новое создавалось на основе известного. В 20–30-х гг. XX в. в этот процесс включилась т.н. советская массовая песня. Большую роль стали играть кино, радио, массовая печать, широко развившаяся (хоть и далеко не всегда глубокая) грамотность населения. Круг песен, на основе которых создавались перетекстовки, стал шире, и он лежал на границе фольклора и литературы, не очень глубоко проникая в последнюю. Характерно при этом, что в выписках реминисценции из архаических слоев фольклора в большинстве своем украинские, а литературные реминисценции преимущественно русские. Это свидетельствует о формировании общего поэтического фонда у трех народов, переживавших общую судьбу.

За пределами нашего рассмотрения здесь остались собственные стихи остарбайтеров, выделенные в специальный раздел. Внимательный читатель и исследователь найдут в них бесценные свидетельства менталитета, быта остарбайтеров, их надежд, отчаяния. В художественном отношении здесь нет шедевров, но стихи эти свидетельствуют о бесспорной энергии самоидентификации, утверждения своего человеческого достоинства, права на творчество. Мы не будем детально анализировать эти тексты, они значительны лишь в своей совокупности. Один из самых ярких примеров — многострочная поэма «Згадка про Україну» («Воспоминания об Украине», № 486). Думаем, что «чужой» текст вряд ли стал бы присваиваться, но если даже мы ошибаемся, поэма все равно остается важным документом.

Поэма написана на украинском языке. По форме это тоже письмо родным, хотя из пометы составителя следует, что письмо посылалось из лагеря в лагерь. Значит, автор поэмы хотела, чтобы ее стихи стали известны подруге. Она родом из деревни Ряська. За четыре года до начала войны (в 1936 г.) полюбила односельчанина. Их счастливый роман длился два года. Возлюбленного взяли в армию, он писал ей нежные письма, они активно переписывались, и она ждала его, но

увидеться было не суждено — началась война, переписка оборвалась. Ее вывезли в Германию. Она не пишет о тяжести лагерной жизни. Все ее тревожные думы о родных, оставшихся дома, о любимом, о котором она ничего не знает, и о «миллой Украине». Дома остались престарелая мать, сестра и племянница. Мать одна вести хозяйство не в состоянии, дети же разбросаны по свету. Автор не теряет надежды вернуться домой, просит родных и «милую Украину» не забывать ее. Таков этот бесхитростный рассказ. У автора хватило душевных сил, преодолевая рабство, остаться внутренне свободной. Другие подобные опыты — более неумелы и менее цельны стилистически.

Следует упомянуть еще одно поэтическое произведение, созданное кем-то из остарбайтеров. Оно называется «Ты бачишь, Боже, як норід гіне» (Ты видишь, Боже, как народ гибнет) и насыщено религиозными мотивами. Составитель начал переписывать это сложное поэтическое произведение, но с последней строки первой карточки текст написан другой рукой, явно девичьей. На первый взгляд, поэма напоминает причитание, плач, однако стилистически она далека от традиционных обрядовых причитаний, — это призыв к Богу облегчить страдания людей, как бы грешны они ни были, изображение непомерных страданий людей, особенно сирот. При чтении вспоминается один из самых популярных в Древней Руси апокрифов «Хождение богородицы по мукам», хотя сама богородица здесь не названа⁵¹. Это плач-покаяние с эсхатологическими мотивами, выраженными не прямо, а составляющими эмоциональный фон. Поэма завершается надеждой на то, что Бог примет всех страждущих и сирот под свое попечение и отведет в свой край, где, наконец, все родные и близкие встретятся (№ 594). Иных упований нет. Но и этого достаточно — Бог признает несчастных людьми, и последует искупление. Таким образом, «покаяние» — это тоже в конечном счете один из возможных способов преодоления рабства. Некоторые особенности этого своеобразного памятника заставляют предположить его связь со старообрядческой средой, хотя по своей стилистике он одновременно и религиозный, и совершенно светский.

О других способах адаптации остарбайтеров к экстремальным условиям жизни, их духовного выживания и психологического самоутверждения, о которых свидетельствует замечательная «фрейбургская коллекция», мы уже говорили. Составитель коллекции увековечил в ней остарбайтеров и самого себя как удивительного в условиях войны и нацистского режима гуманиста.

⁵¹ Библиографию «Хождения» см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси: XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С.463-465.

Просматривая вновь и вновь коллекцию выписок из писем остарбайтеров, мы не перестаём удивляться энергии самоутверждения лагерных рабов, их воле к сохранению памяти о родной речи, о песнях, которые пелись на родине, поражаемся их неугасимому стремлению к творчеству в самых разнообразных формах, чувству собственного достоинства, умению обойти жестокую цензуру. Поэтому в заключение статьи нам хотелось бы сослаться на вовсе не беспристрастную, но, судя по всему, основанную на изучении источников оценку творческой потенции остарбайтеров, прозвучавшую вскоре после их появления в Германии в официальных документах нацистского руководства. В монографии Ф.Эммериха «Националистическая идеология и германистика»⁵² говорится о том, что сохранившиеся документы свидетельствуют: функционирование фольклора иностранных рабочих оценивалось руководством нацистской партии как опасная возможность воздействия на немецкое население, угроза расовой чистоте его культуры. В распоряжении канцелярии Гитлера от 22 октября 1941 г. констатировалось, что «к сожалению, фольклор чужестранцев находит нежелательный многообразный отклик у жителей немецких деревень». В связи с этим предлагалось активизировать деятельность учителей, чтобы «свести нежелательное воздействие до минимума»⁵³. Мы теперь знаем, что эти опасения имели основания.

Составители выражают искреннюю благодарность Немецкому архиву народной песни (Фрейбург), Фонду Генриха Бёлля и Генеральному консульству ФРГ в Петербурге (в особенности д-ру Ане Лютер) за моральную и финансовую поддержку настоящего издания, директору Фонда И.Вирта, профессору Ульрике Хёрстер-Филиппс, а также библиотекарю Немецкого архива народной песни Барбаре Джемс-Брук и сотруднику этого архива д-ру Юргену Дитмару за неоценимую помощь в обнаружении коллекции, за подготовку ее к немецкому изданию и за предоставленную нам возможность подготовить русский вариант.

* * *

Наиболее характерные тексты «фрейбургской коллекции» в результате изучения ее состава отобраны и сгруппированы публикаторами в шестнадцать разделов. Это работа, которую несомненно намеревался, но не успел проделать собиратель коллекции.

Тексты не подвергались редактированию и коррекции, иначе они не могли бы служить надежными источниками для изучения мироощущения людей, угнанных насильственно на работы в Германию, их

⁵² Emmerich W. Germanistische Volkstumsideologie. Tübingen, 1968. S.272–273.

⁵³ Poljakov L., Wolf J. Das Dritte Reich und seine Denker. Berlin, 1959. S.70 (со ссылкой на второй том «Verfügungen, Anordnungen, Bekanntgebungen der Parteikanzlei»).

образовательного уровня, менталитета, языковых и фольклорных (отчасти и литературных) традиций, составлявших костяк их культуры.

Одна из причин языковой пестроты, с которой встретятся наши читатели, — неоднородный состав корреспондентов, происходивших из разных областей бывшего Советского Союза, оккупированных немецкими войсками, — от Ленинградской области до Крыма и от западных областей Украины и Белоруссии до восточных районов этих республик. Но в силу географических и социальных условий владение тремя языками, составляющими восточнославянское единство, было неровным, неустойчивым и даже иной раз не вполне определенным. Какая-то часть их была, возможно, русскими городскими жителями, усвоившими элементы украинской или белорусской устной речи, столь родственной их родному языку. В большинстве же, по-видимому, это сельские жители. Многие объясняет и происхождение значительного числа оstarбейтеров из этнически смешанных районов или районов, в которых распространены т.н. переходные диалекты (например, украинско-белорусско-русское Полесье и т.п.). В украинских текстах мы постоянно встречаем русские и белорусские слова или слова общеславянские в их русских или белорусских вариантах, в белорусских текстах постоянно встречаются украинские или русские слова. Образование большинства отправителей писем, видимо, было не выше уровня начальной сельской школы, вполне возможно, что они в достаточной мере владели пассивно своим родным литературным языком, т.е. понимали его и умели на нем читать, но в устной речи продолжали пользоваться местными смешанными говорами. Поэтому в одном и том же отрывке письма можно встретить различное и не всегда правильное употребление украинских букв «і», «ї» и «и» (произносится как русское «ы») и русских «и» и «ы», украинских «е» и «є» и русских «е» и «э», белорусского «ў» и т. д. Небольшая часть текстов на белорусском языке написана латиницей и с приближением к польской орфографии. Для облегчения их прочтения мы сопроводили такие тексты транскрипцией русскими буквами в круглых скобках.

Пунктуация большинства текстов в карточках — весьма скудна, непоследовательна, порой ошибочна настолько, что мешает правильному пониманию текста. Не исключено, что часть знаков проставлена собирателем коллекции, по крайней мере, в его переводах пунктуация проведена с некоторой последовательностью. Публикаторы позволили себе продолжить эту работу с тем, чтобы облегчить и русским читателям правильное прочтение текста, при этом ограничившись главным образом точками и запятыми. Немногочисленные вопросительные и восклицательные знаки в большинстве своем принадлежат авторам писем.

В публикуемых текстах нет единообразия и в обозначении начала стихотворной строки, и в употреблении прописной буквы вообще. В тех случаях, когда это не затрудняло прочтения текста, публикаторы не стремились к исправлению, считая этот фактор немаловажным показателем различного уровня грамотности его авторов.

Публикаторы исправляли только явные описки, а в случаях нечеткого написания сверялись с переводом на немецкий язык, выполненным на правой стороне карточки составителем коллекции; все эти переводы, а также пометы в верхней строке карточки, часто противоречащие жанровому характеру текста или слишком общие (как, например, «Volksdichtung»), сняты в русском издании.

Полностью сохранены внесенные собирателем в каждую карточку (после текста) названия населенного пункта или района адресата письма (без указания имени адресата и отправителя, в целях сохранения их анонимности). Лишь в некоторых случаях указано в самой общей форме местонахождение отправителя, когда оно имеет особый информативный смысл (лагеря в Германии, в оккупированных странах — Норвегии, Франции, Голландии).

Указания на республику могут показаться сегодня странными: то, что названо Украиной, в действительности Белоруссия (например, в надписи: «Брест-Литовск, Украина»). Надо иметь в виду, что здесь мы встречаемся с названиями административных областей, установленных оккупационными властями, — так, в Рейхскомиссариат Украина была включена часть Западной Белоруссии (Брестская область), в Рейхскомиссариат Остланд входили остальная часть Белоруссии, Эстония, Латвия и Литва.

В случаях, когда это важно, составитель указывал и дату (в разделах «Пересказы снов и пророчества», «Круговые письма» и в некоторых других), что еще раз говорит о цельности и последовательности замысла человека, собравшего «фрейбургскую коллекцию», и об уровне его компетентности и интеллекта.

Ремарки, заключенные в квадратные скобки, принадлежат собирателю коллекции. В круглые скобки заключены комментарии, пояснения, транскрипции, переводы (где они необходимы) публикаторов. Перевод аппарата, а также обратные переводы разделов, в которых тексты зафиксированы собирателем только на немецком языке — «Круговые письма», «Пересказы снов и пророчества», «Народная медицина», — выполнены Б.Е.Чистовой.

Настоящее издание представляет собой публикацию уникальных источников, которые еще, надо надеяться, будут изучаться лингвистами, фольклористами, этнографами, историками. При этом, несомненно, выявится немало трудностей или недостаточно исследованных проблем. Поэтому публикаторы не решились комментировать

каждый текст и каждую строку. Для этого еще не пришло время. Мы предложили читателям только общую оценку всей проблемы — язык и фольклор остарбайтеров — и разработки некоторых вопросов, которые представлялись нам первоочередными.

Чтобы облегчить будущим исследователям пользование всей коллекцией, мы сохранили за текстами номера, которые придали карточкам с самого начала работы, руководствуясь порядком, в каком они были размещены составителем. Упорядочив коллекцию по жанровым рубрикам и разделам, мы не стали менять нумерацию текстов. Номера публикуемых карточек в порядке возрастания (с отсылкой к странице настоящего издания) даны в Приложении.

Кирилл Чистов

1. ПОЧТОВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

1.1. НАЧАЛЬНЫЕ ФОРМУЛЫ

1.1.1. Сидел соловейко, да стал щебетати...

- № 741 Сидів соловейко тай став щебетати,
Пора, пора до мамочки листа написати.
В Леликово, Брест-Литовск, Украина
- № 826 Із співом соловейка,
Із пахощами квіт,
нехай летить до вас,
мій палкий привіт.
Деревня Губник, Винниця, Украина
- № 723 Ой лити лити какушка
(С) Запада на Восток.
Заниси моей Систричке
Сердце з калачом.
И разкажи ты, какушка,
что живётся харашо.
серце биютця,
кровю лётца,
Что може не прийдеться
Увидится стабой (Увидеться с тобой).
В деревню Нагое, Брест-Литовск, Украина
- № 912 (Ку)Ковала зозуля и буде ковати,
начаю листочок до подружки писати.
Лети лети листочок,
да й не ленися,
заиди до подружки
до подружки до ножок (с)клонися.
Деревня Парахонск, Пинск, Украина
- № 1223 В гаю зеленом
Зозуля кувала,
Буду я до тебе,
золотой синок,
Лист писала.
В далекої чужині
Чорної ворон краче,
Моє серце за тобою плаче,

Бо от тебе золотою синок,
Довго листу не було.
Золотою синок,
куда вечор хмару гонить,
Куда хилиться трава,
Куда очи не заглянуть,
ночечка нема.

Столин, Пинск, Україна

№ 736

Від широкого (доброго) серця від старих літ
шлю тобі, Василь Дмитрович,
свій палкий привит.
Закувала зозуленька в саду на калині
згадай мене, Василь Дмитрович,
вдалекій (в далекій) чужині.
Цей листочок тоді я писала,
як зори на небі зійшли
щоб знав й згадав Василь Дмитрович,
(г)де роки наші цвітучі пройшли
і щастя розвіяне вітром
як хмари в осінній порі,
а молодість наша совяла (завяла)
в далекі чужій стороні.

Из одного лагеря в другой [в Норвегии]

№ 1108

Ой, ви пташки сизокрылі,
вас є тут багато.
Занесіть тую открытку
на Україну аж до моєї хати.
І дайте мамусі у руки
і розкажуть усі мої скуки.

Летищев, Україна

№ 900

Добры́й день мамуся,
пише лист Варуся.
Пише Варя тай питає,
як там мама проживає.
Ой, ви пташки сизокрылі,
вас багато тут літа,
віднесіть ви на Україну
мої матінці листа.

В деревню Лищенка, Киев, Украина

№ 979

Лети, письмо, орлом,
отвары акно крылом,
не в окно, а прямо в дверь,
прямо к Вали у постель.

Есьли не трапить, то не буди
останься на груди
сять на правайо плячо
и цалуй так гарачо.
Если будет на души,
то скарей ответ пиши,
если будет не принято
то лети ка мне обратно.

Полевая почта [Украина]

№ 895

Лети письмо орлом.
Очини дьверы (открой дьвери) крылом;
Если сплять, то збуди,
С ким сидять, то розлучи
И садь на плечо,
Поцолуй гарачо!

Столин, Украина

1.1.2. Лети, листок, с запада на восток...

№ 686

Села я край стола
На ручку склонилась,
Взяла в руки карандаш
Тяжко зажурилась,
Леті, лісток, леті, отрада,
Леті сердечний мой привет,
Леті туда, куда мне нада
Откуда буду ждать ответ.

Кобрин, Украина

№ 834

Беру я беленький листок.
Беру чорненьке перо.
Пишу тибє мой дорогой,
первое письмо.
Привет сердечный посылаю,
Крепко руку жму
Лети, мое письмо,
Через леса, моря
прямо до тебя.
Выйди на крыльцо
получить мое писимцо.

Деревня Морщице, Пинск, Украина

№ 597

Bieru piero w ruki
piszu odkrytoczku z wielikoje skuki.
Piero moje razkrypielo,
serce moje zaboletło.

Och leci, moj listok,
iz zapada na wostok,
da nijdze nie opozdajsa
da skorej mojoj rodzinoncy w ruki dajsa,
niechaj wony przeczytajuć
da mienie, mołoduju, nie zabuwajuć.
(Беру пьєро в руки,
Пишу одкрыточку з великое скуки.
Пьєро моє разкрипело,
серце моє заболело.
Ох, леци, мой листок,
из запада на восток,
да нийдзе не опоздайся,
да скорей мойой родзинонци в руки дайся,
нехай вони почитаюць
да мене, молодую, не забуваюць).

В деревню Семигостьче, Пинск, Украина

№ 879 Листок передо мною, не знаю что пісат
ой хочыця, ей богу, хоч раз поцьлюват.
Деревня Антополь, Брест-Литовск, Украина

№ 862 Лити, лити, листочок,
у далокій краёчок
через гору крутую
через воду біструю.
Попади у ручку тому,
хото рад сердцу нашему.
Деревня Волга Дужа, Пинск, Украина

№ 1259 Ой у полі дві тополі перехитуються,
на чужини два братика – переписуються.
Лети, мій листок, у далекій край
і рідному братику привет передай.
Из одного лагеря в другой

№ 808 Лети письмо через гори и долины
до родной краины.
Столин, Пинск, Украина

№ 1036 Leci leci, listoczok, horami horami
szukaj moju sestrycu promiz horodami.
(Леци, леци, листочок, горами, горами
шукай мою сестрицу промиж городами).
Деревня Городище, Столин, Украина

№ 1030 Лети беленький листочок
на Гирманский лисочок

нигде не зачепишь и не пропади
скоро милинькой систрочке в руки попади.

Камен(ь) Шляхецкий, Брест-Литовск, Украина

№ 596

Leci listok
iz za doma na wostok,
leci nidzie, nie uwilajs
nikamu w rucki nie popadajs,
zleci i wpadzi w dobry czas,
spitajs naszoj Manionki i czto dzielaje siejczas.
Stanu koło okienca,
na dwor smotru,
no kak moieji doczeńki śledoczka nie widać,
i stanu, i hlanu, slozami oboljus.
Ja na swoje oczeńki
płatoczkow nie nabierus,
no stolko swoje ślozońki
rukawcem obcieru.
(Леци, листок,
из-за дома на восток,
леци, нидзе не увилайсь (нигде не заблудись)
никаму в ручки не попадайсь,
злети и впадзи в добры час,
спитайсь нашој Манионки и что дзелае сейчас.
Стану коло окенца,
на двор смотрю,
но как моей доченьки
следочка не видать,
и стану, и гляну, слёзами обольюс.
Я на свое оченьки
платочков не наберусь,
но столько свое слёзоньки
рукавцем обцеру).

Деревня Городец, Столин, Украина

№ 1299

Ой, леті лісток
із запада на осток,
леті дай не леньса,
як Мишу отычиш – до ножек склонися.
Миша рожа (роза) розовая,
рожа из ружя,
Миша возлюбезной,
лібім мы тебя.
Миша, даруем тебе розу,
а ты нам букет,
любіш чы не любіш,
а дай нам ответ.

Деревня Парахонск, Пинск, Украина

1.1.3. Ветер дует, повевае...

- № 601 Ветер дует, повевае,
привет з німецького краю
вам, має радіти, посылаю.
Брест-Литовск, Україна
- № 709 Ветер веє, все повеває, дерева колише,
Догадайся, сестриця, хто тебе открытку пише.
Пишу открытку на дубовій дошці,
А ти лети, лети, открыточка, к моєй милої сестри.
Давидгородек, Україна
- № 913 А у полі растуць рослини
їх веєр калыша (ветер колишет),
дагадайся, мая сестриця,
хто табе пісма піша.
Деревня Сороки, Минск, Белоруссия
- № 690 Weczorok listoczki po sadoczku kołyszе
dahadajs, doroha Oleńka, chto do ciebe piśmoczko piśze.
Zdrastuj, miesiaczyk bełoj,
zdrastuj, zoroczka noczna,
zdrastuj, Oleńka, choc zdaleka.
(Вечорок (ветерок) листочки по садочке колише,
дагадайся, дорога Оленька, хто до тебе писёмочко пише.
Здрастуй, місячик белой,
здрастуй, зорочка ночна,
здрастуй, Оленька, хочь здалека).
В деревню Рубель, Столин, Україна
- № 813 То не ветер с поля веєт,
то не буря с моря бьєт,
то ваша дочка Надя
Правую ручку подаєт.
В деревню Караджа, Джанкой, Крым
- № 1118 Вітер веє, повіває
Дерева колише,
Тебя верно той кохає,
хто ці слова пише.
Деревня Славна, Винница, Україна
- № 815 Стоять верби над водою,
вітер їх колише,
згадай, Ганьу, згадай, серце,
хто це тобі пише.
В деревню Кашивку, Ковель, Україна

№ 517

Wije witer, wije,
Wije powywaje,
Jak zhadaju pro kraj rodiny,
toj serce umyraje.
(Вие витег, вие,
Вие, повевае,
Як згадаю про край родини,
то и сердце умирае).

Деревня Головчице, Брест-Литовск, Украина

№ 660

Stojit jawor na czużyni
witior joho kołysze,
dohadajsia, moja mamoczko,
chto do tybe listok pysze.
(Стоит явор на чужини,
вितёр його колыше,
догадайся, моя мамочко,
хто до тебе листок пыше).

В деревню Верхолесье, Кобрин, Украина

№ 807

Вітер вербами колише,
Сосни гнуться.
Догадайтесь, родітелі,
хто це до вас пише.
Письмо писать я починаю,
всього хорошего желаю
Міцно жму руки ваши
і крепко целую.

В деревню Балин, Каменец-Подольск, Украина

№ 1007

Ой ти вітре, ой ти буйненький,
Тай повій на Україну.
Привітай від мене батька, і матір, і сестру,
Усю мою родину.

Из одного лагеря в другой

1.1.4. Сяду коло оkenца письмо писати...

№ 949

Сяду коло (о)кенца письмо писати,
то не знаю, як в руки взяти.
Пишу письмо, в (из-под) руки поглядаю,
що сонце заходить в германському краю.
То я од оkenца возьму одхилюся,
горкими сльозами частенько заллюся,
то я на свої оченьки платочков не наберусь,
іно, моя доченько, рукавом оботрусь.

Деревня Городец, область Столин, Украина

№ 854

Листа пишу, перо скрегоче,
А моє серце з вами говорить хоче,
Стискаю до серця руками,
Цілую сердечно своїми устами.

Деревня Пилный Олексинец, Каменець-Подольск, Україна

№ 830

Do stołu siadam,
pocztówki roskładam,
za ołówkę się chwytam
i z toboi, moj kohany braciszku, się witam.
Pioro pisało
a serce płakało.
(До столу сядам,
почтувки роскладам
за олувек се хвытам (хватаюсь за карандаш)
и з тобой, мой коханы братишка, се витам (здоровуюсь).
Пёро писало,
а серце плакало).

Юхновичи, Пинск, Україна

№ 822

Пиру моеє золотойе
Пишу писмо дорогойе
до свого роднинного папочкы и мамочкы
ад вашой дочинкы Уланкы.

В деревню Пересудовиче, Брест-Литовск, Україна

№ 789

Листа писать я начинаю
своею правою рукой,
привет сердечный посилаю
своєм друзям дорогім.
Лист писать тібе рішилась
любов заставила міня.
Ох, серце боліт,
просю, вислухай міня.
Сідаю за стол дубовий
писать пісьмо від любови,
Бирю лист бомаги в руки
писать листа від скуки.
Перо моеє заскрепело,
серце моеє заболело,
пиро моеє жилезное,
пісьмо моеє болезное.
Лети, лити листочок
із севера на восточок,
лити, перекидайся,
та нікому в руки не попадайся.
А попадись тому в руки
кто рад серцю моему

а если не рад
то вернися назад.
І сядь за стол дубовий
і розкажи
як Ваня живе у чужі стороні.
Шутить сердце, шутить дважди,
шутить сердце много раз.
Поверь, что дважди два чотирі,
поверь, что крутиця земля,
поверь, що єсть любов на світі,
поверь, що я люблю тібя.

Из одного лагеря в другой

№ 481

Добрый день, весёлый час –
Пишу письмо, не вижу вас.

Белоруссия

№ 473

Добрый день, веселый час,
Пишу листа, не бачу вас.

Из одного лагеря в другой

№ 975

Писат письмо я начинаю
своею собствинной рукой,
Привет я скучный посылаю
своій подрузі дорогой.
Ой лити, лити, листочок,
із запада на восточок,
но не попадайся нікому в руки,
тільки попадайся тому,
хто рад псьму моему,
і сідай йому на плечі
і розкажи йому всі речі.

Из одного лагеря в другой

№ 1182

Ой, у саду под яблонкой
Выросла барвиночка,
Плачем по тебе и скучаем,
Родная сестриночка,
Солнушко заходит
Я за стол садюсь,
Сльозой заливаюсь,
Перо в черніло вмочаю (обмакиваю),
По тебе, сестричко, скучаю.

Деревня Сержытковиче, Кобрин, Украина

№ 1181

Do stołu siadajem,
papier rozkładajem,
i do was, rodinka, odkritku posiłajem,

szczo my, biedny, w czużu storon popały.
Tycze riczka pomiż berohamy,
szkoda rodinka, czczo nas nema mieżdu wami,
my zijdemos do nas ono [u dwoch] dumajem hadajem
i odkritki czitajem
i was, mamki, czasto spominajem.
(До столу сядаем,
Папер (бумагу) розкладаем,
и до вас, родинка, одкритки посилаем,
що мы, бедны, в чужу сторон попали.
Тыче ричка помиж берёгамы,
шкoda (жаль), родинка, чо нас нема между вами,
мы зийдёмось до нас оно у двох (как сойдёмся вдвоём) думаем-
гадаем
и одкрытки читаем
и вас, мамки, часто споминаем).

В деревню Пересудовице, Кобрин, Украина

№ 750

Piszu wy nidzielu rano
ni czierniŃom, ni pierom, ni wodoju,
da Piszu iswojeju slozoju.
(Пишу в недзелю рano (в воскресенье утром),
ни чернилом, ни пером, ни водою,
я пишу исвоею слезою).

В деревню Тереблице, Столин, Украина

№ 1058

Письмо писаць я начинаю,
Смотру на время – первый час,
А сердце кровью абольеца,
Когда я вздумаю про вас.
Здравствуй, солнце залатое,
Здравствуй, ясная заря,
Здравствуй, милая подруга,
Здравствуй, Каечка моя!
Взяла бумаги я листок,
Пишу письмо я на восток,
Пишу не в город, не в месечка,
и не к маменьке родной,
Пишу в ближайшую деревню
своей подруге дорогой.
Первым долгом пасылаю
я свой пламенный привет
и по тебе я здесь, Катечка, скучаю,
Мне больше нет по ким скучать.
Письмо от сердца посылаю,
Прашу скорее отписаць.
Стала писать, а сердце бьётся
рука дрожиць, бумага рвётся.

Где надо «я», там ставлю «е»,
Где надо точка, там ставлю две.
Голова моя кружится,
Сердце рвётся на куски,
Ты скажи, моя подруга,
Что мне делать от тоски?

Из одного лагеря в другой

№ 1056

Пишу письмо, рука трясется,
Моя любовь, Вань, к тебе несётся.
Пишу письмо, бумага рвётся,
Моя любовь к тебе, Ваня, несётся.
Пишу письмо, перо скрипит,
Мое серденько за тобой, Ваня, болить.

Из одного лагеря в другой

№ 976

Пишу письмо, рука дрыжыць,
но я на то не зважаю,
да вам пару слов присылаю.

В деревню Ольшаны, Брест-Литовск, Украина

№ 992

Лёля, пишу тебе две строчки,
Целую тебя в обе щёчки!

Пинск (?), Украина

№ 608

Я вашу прозьбу исполняю –
Беру перо и вам пишу,
Всиво хорошего желаю
И не забыть меня прошу!

Из одного лагеря в другой

№ 1059

Пишу тому, о ком скучаю,
о ком я думаю всегда,
Кого наилучшей всех мечтаю
и не забуду никогда!

Дрогичин, Кобрин, Украина

№ 480

Иныя пишут стихи,
Другия прекрасные оды,
А я пишу своё имя Лидия
На память на вечные годы.
Родных и близких я здесь вижу,
Тебя, Таиса, никогда,
Твой голос нежный я не услышу,
Он не доходит до меня.

Округ Дрисса, Остланд (оккупированные территории Прибалтики и Белоруссии)

№ 1006

Коли сонце засяє раненько,
Коли видно стане тобі.
Згадай (вспомни) ти, мій братік рідненький,
Згадай минулі (прошлые) ті дні.
На згадку (на память) я тобі писала,
як зорі на небі зійшли,
Щоб знав ти, мій братік рідненький,
де роки квітучі (где годы цветущие) пройшли.

Из одного лагеря в другой

№ 1187

Письмо пішу, рука дрыжить,
Глянула у окно – думала муй брат Коля быжить.
Я сідела раз под окошком –
Стала рожа (роза) расцветать,
Как уздумала про брата Колю –
Стала плакать и редать.

Деревня Почапово, Пинск, Украина

№ 985

А в неділю рано (в воскресенье утром) ще й сонце не сходить,
моя права рука по папері (по бумаге) ходить,
а ліва тримає (дрожит),
здумай, Міша, це твоя подруга листа (письмо) посилає.

Из одного лагеря в другой

№ 483

Я случайно с тобой повстречался¹,
Твои глазки понравились мне.
Сердце сразу огнём закипело,
С того дня я влюбился в тебе.
Писать красиво не умею,
Украстить строчек не могу,
Для вас и так всё будет ясно,
Что я тебя люблю.

Писать красиво не умею,
Но это впрочем не беда,
На сердце вас всегда имею
И не забуду не когда (никогда).

Спешу низко поклониться
и тебе добра пожелать
жить – всё время веселится
и про меня не забывать.

Пишу не в Город и не в столицу,
Пишу не к матери родной,
Пишу молодой я девчёнке
Здравствуй, друг мой дорогой!

¹ Любовное письмо к девушке, содержащее несколько почтовых стереотипов, главным образом начальных.

Ты хочешь знать, кого люблю я,
К кому летят мои мечты ?
Напишу от сердца, не скрывая:
Придмет любви есть, Катя, ты!

Я пишу, а ты читаешь,
Наверно знаешь от кого,
Но сердце бедное страдает,
Что друг от друга далеко.

От этой от скуки проклятой
Решил я письмо написать,
Уже двенадцать часов ночи,
Друзья мои уже давно спят.

Письмо получишь – прочитаешь,
Быть может что-нибудь поймёшь,
Быть может, только посмеёшься,
Письмо без жалости порвёшь.

Катюша, разреши закончить
свое небольшое письмо.
Жму вашу правую руку –
Ваш верный друг Рома.

Из одного лагеря в другой

1.1.5. Прежде чем письмо писать, надо поздороваться...

№ 628 Прежде чем письмо писать,
Надо поздороваться.
Здравствуй, Танечка – сестричка,
Как твоё здоровьице?
Здравствуй, солнце, луч прекрасный.
Здравствуй, звездочка во сне
Здравствуй, милая сестрица
Низко кланяюсь к тебе.

Деревня Гора, Минск, Белоруссия

№ 748 Письмо пи́саць я начинаю
Всего найлепшага жалаю,
Но пока начну пісаць,
Мушу (должна) добрый дзень сказаць.
До нас уже весна прышла
Зьвініць простор, кругом весна
И дзень и ноч усё паюць.

Любч, Новгродек, Белоруссия

№ 793 Перш чем то́бі листа пісаць
дазволь твою праву ручку пожаць
і добрый дзень сказаць.

Из одного лагеря в другой

- № 229 Передаємо... поклони
від білої хмарки до зеленої травки.
(Передаєм... привети от белой тучки зелёной травке).
Деревня Ставчаны, Бар, Украина
- № 782 Здравствуй! Маминька родная,
Сёстры родны и браток.
Здравствуй!!! семья дорогая.
Шлю привет вам на Восток.
Полевая почта на Украину
- № 821 Здравствуй, милая подруга,
Здравствуй, цвет мой голубой,
Здравствуй, сердце не разбите,
Не ростануся с тобой.
В Брест-Литовск, Украина
- № 461 Здравствуй, аленький цветочек!
Здравствуй, ландыш голубой!
Здравствуй, Нина дорогая!
Здравствуй правою рукой!
Из одного лагеря в другой
- № 1066 Здравствуй, дорогая сестра!
Мне леса не вперешкоде (не препятствие),
И не быстрая вода,
Только немцы не пускают
Мне помчаца до Тибя.
Ой пошла б к тебе, сестронка,
Той дорожкой столбовой
своей жизни я б решилась
чтоб увидица с тобой.
В деревню Семеновщина, Кобрин, Украина
- № 829 Здрастуй, мамочка родная.
Здрастуй, зирочка выдна.
Здрастуй, рожынька цвытна.
Здрастуй, Ганічка сыстра.
Здрастуй, букет голубой.
Здрастуй, браток дорогой.
Здрастуй, травушка шовкова.
Здрастуй, братышычка (золовка), мне весёла.
Пишу вечером, як луна,
Здрастуйте, вся моя родня.
Соньыко красное над рекой,
Здрастуйте правою ручкой.

Кланюся Богу и Христу.
Поклончык маманьки и братку.
Кланюся соныйку, зоре,
Поклончык братьшцы и сестры.

В деревню Берилебиче, Пинск, Украина

№ 928

Здравствуй, звездочка на небе,
здравствуй, лебедзь над водой,
здравствуй, мілая сястрыца Оля,
здравствуй правою рукой.

В деревню Даниловичи, Минск, Украина

№ 706

Здраствуй, зорочка на небе.
Здраствуй, месяц голубой.
Здраствуйте, милые родители
Здраствуйте правою рукой.
Ой, як сила я на поезд,
подывылась (посмотрела) у окно.
Ой, осталась вся родина
на Украине далеко.

В Дрогичин, Кобрин, Украина

№ 694

Здраствуй, мілая систриночка Ниночка!
Здраствуй, цветик голубой.
Напиши как проживаеш
На сторонущке своёй.

В деревню Нагорье, Пинск, Украина

№ 984

Здраствуй, цветик голубой,
зелена калына,
здраствуй, любимой мой зять,
родима доченька мыла (мила),
пишу белыми руками
зальваю горкими слезамы.

Деревня Житнович, Пинск, Украина

№ 453

Здраствуй солнце луч прекрасный,
Здраствуй звёздочка во тьме,
Здраствуй, Лёлечка родная,
Я скучаю о тебе...

Зачем ты порою страдаешь,
Иль горе постигло тебя?
Но вспомни, что в мире есть сердце,
которое любит тебя.

Из Финляндии в Германию

№ 1053

Здравствуй, прекрасная роза,
Здравствуй, прекрасный букет
Здравствуй, прекрасная Вера,
Шлёт тебе Нина привет.
Пиши, рука, пиши скорее,
Пиши той, кого люблю,
Мне будет тоже веселее,
Когда ответ я получу.
Писать еще я продолжаю,
Перо в чернильницу мачу,
Тебя я, Вера, вспоминаю
И на душе тебя держу.
На этом я письмо кончаю,
Желаю счастья жить много лет,
И для тебя, для дорогой
Шлю свой пламенный привет
Пусть жизнь твоя течет спокойную струю,
Усыпанная тысячью цветов,
И пусть всегда живет с тобою
Надежда! Вера! и Любовь!
Скрылось солнце за горой,
Запела песня соловья,
Прощай, милая подруга,
Прощай, Верочка моя!

Деревня Буланки, Дрысса, Украина

№ 457

Сядаю за стіл низенький,
беру папір біленький,
беру пирог в руки,
пишу письмо от скуки.
Листа писать я начинаю,
привіт горячий тобі посилаю,
ни бачивши вітаю (привітствую),
крепко руку тобі прижимаю.
Ну привіт тобі я посилаю,
хочу що нібудь тобі написати,
всього найкращого жилаю,
а тепер начну писати.

Из одного лагеря в другой

№ 704

Zdrastuj sinie More,
Holubyju oblaka,
zdrastuj, Mamoczka Rodnaja,
zdrastuj, wsia moja Rodnia!
(Здрастуй, синие Море,
Голубью облака,
здрастуй, мамочка родная,
здрастуй, вся моя родня!).

В деревню Головицки, Кобрин, Украина

- № 974 В менуту скуки и печали
 большого сердца моего
 беру дрожащими руками
 листок бумаги и перо.
 Здравствуй, роза полевая,
 здравствуй, аленький букет,
 из-за гор из-за высоких
 Шлю горячий я привет!
Полевая почта [Белоруссия]
- № 831 Високи гори,
 сині облака.
 Здраствуй, дорога рідня,
 хоч не зблизька, а здальока.
В деревню Федоры, Столин, [Остланд]
- № 764 Добрый день, а может вечер
 Точно знать я не могу.
 От души своей сердечной
 Письмецо тебе пишу
Из лагеря в лагерь
- № 702 Dobry wieczor Wam do chaty,
 pustitie perenoczowati,
 z Wami pozwoltie powitatis
 i rozreszytie o wasze zdrowie
 i zytku popytatis.
 (Добры вечор Вам до хаты,
 Пустите переночевати,
 З Вами позвольте повитатись
 и розрешите о ваше здорowie
 и житку попытатись).
В деревню Бор-Дубенецкий, Пинск, Украина
- № 960 Добрий вечер или час,
 бо в Берліні я січас
 і за Андрушою скучаю
 і ответа дожидаю.
Из одного лагеря в другой
- № 1057 Добрый день, мой любий Ваня,
 як тобі живеця?
 Чи скучасш ти за мною
 як вечер начнеця?
 Не скучасш, не скучасш,
 це я добре знаю,

ти страдаєш, ти страдаєш,
За другою мене забуваєш.
Я хочу быть всігди с тобою,
як єсть іскрині слова,
хочу быть твоей любимой
с этого времени повсігди!

Из одного лагеря в другой

- № 627 Добрий день обо час,
Що ти робиш сійчас,
А як маєш ту охоту,
То кінчай свою роботу,
То сідай читать моего коротенького листа.

Из одного лагеря в другой

- № 670 Добрий день,
Веселый час.
Пишу открытку,
Целую вас.
Поцеловала б еще раз,
Но очень далеко живу от вас.
Здравствуйте, дорогие мои родные.
Обернулась пташкой вольной,
Полецела б я туды,
Где река плывет павольно
Где живут мои родны.

Крупки, Минск, Белоруссия

1.1.6. Кланяюся я тобі від білих рук до самой сирої землі...

- № 228 Кланяюся я тобі від білих рук до самой сирої землі.
Деревня Мала Каробчивка, Каменец-Подольск, Украина
- № 226 А я тобі кланяюсь найнижче чорними буквами, білими руками,
дрібними сльозами.
Деревня Стяб-Килянський, Каменец-Подольск, Украина
- № 198 Передаю я тобі свій широсердечный і далекофранцузький горя-
чоскучный привіт.
Из одного лагеря в другой
- № 891 Шлю привіт, всього бажаю,
Щоб найкраще жить тобі,
Мати (иметь) щастя, мати долю,
У свої рідненькій стороні.
Деревня Шпиценци, Каменец-Подольск, Украина

- № 187 У первых словах моих слов – примите ад своей верной дочки
Уси горячо-низгасимой поважаимой низабываимой родительский
привет и нежной поцилуй с крепким рукоприжатием к своему
серцу.

В Лезитковичи, Брест-Литовск, Украина

- № 199 На первой страничке мого листа (письма) я спишу передать
тоби свой скучный довгонебаченный восьмимисячный низенький
привет.

Из одного лагеря в другой

- № 320 Спишу я тоби свій скучно-сердечний превіт передать от серой
землі і до твоєї белой груді, іще б нижче поклонилась, якби сера
земля роступилась.

Из одного лагеря в другой

1.2. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ФОРМУЛЫ

1.2.1. Письмо писать кончаю...

- № 607 Письмо писать кончаю,
кладу его в конверт,
Всиво наилучьшего желаю,
От сердца жду ответ!!!
Из одного лагеря в другой

- № 681 Писать письмо я кончаю
своею ізмучиной рукой,
всего найкращого жилаю
в вашей жизни молодой.
Полевая почта

- № 630 Письмо писать я окончаю,
Бо уже охоты нет,
Тогда я больше напишу,
Когда дадите мне ответ.
Пишу письмо, а сердце бется,
Любовь горячая горить,
Когда успомню я о тебе,
То сердце крепенько болить.
Да здравствуй, Соня дорогая,
Да здравствуй, цветик голубой,
Возможна я к тебе приеду
И все повторим мы с тобой.
Полевая почта

- № 923 Кину розу под березу
пщичкам на сьнедане.
Больше ньечево писать
Зацем дасьвидане.
В деревню Любице, Брест-Литовск, Украина
- № 695 Сонце западае,
Кончаю писать,
серце жалае
тьебя увидать.
Деревня Сохин, Картуски Берёза, Белоруссия
- № 753 Письмо писаць я уже кончаю,
смотрю на время – первый час,
А сердце кровью обальеца,
Когда я вздумаю про вас.
Ой ляци, ляци, листок,
прямо хлопцам во дворок,
но а если не приятно,
поляци ко мне обратно.
Из одного лагеря в другой
- № 972 Беру вновь перо я в руки,
Кончаю вам писать.
живу с тобой, мамочко, в разлуке
Прошу меня, дочь, не забывать.
Полевая почта
- № 889 Писала письмо – торопилась
з большої думи об тебя
Чуть зі стола не звалилась,
а чернильница із пером
очутились під столом.
Деревня Рыгавин, Пинск, Украина
- № 943 Пишу вам правою рукою
і передаю я вам бистрою водою.
В деревню Яхнивци, Каменец-Подольск
- № 926 На Кавказе ест(ь) гора,
под горой – здане,
что сумела, написала,
затем досвидане.
Деревня Огдемер, Дрогичин, Кобрин, Украина

№ 924 Napisala b tobi raj,
 ale bumahi kraj,
 nυμα de rosproczynatu,
 bo ny bude de napysatu.
 (Написала б тобі рай
 але бумаги край
 ныма де роспочинаты (негде начинать),
 бо ны буде де напысаты).
 Деревня Посениче, Пинск, Украина

№ 487 На послідній строчці
 ставлю точку;
 як ця точка зітреться,
 то тоді наша переписка припинеться.
 Из одного лагеря в другой

№ 1172 Писала я,
 Лови меня!
 Как впоймаеш,
 Тогда взнаеш.
 Из одного лагеря в другой [Херсон?]

№ 1216 Прощай, роза ты моя,
 Прощай, голубое сиянье,
 Может быть встретимся с тобой,
 Когда-нибудь будет свиданье!
 Деревня Халки, Минск

1.2.2. Жду ответа, как голодный обеда...

№ 606 Жду ответа, как голодный обеда.
 Из одного лагеря в другой

№ 955 Жду ответа
 как тюремник света.
 Лагерная почта

№ 817 Жду вотвиту
 як дітя комхвиту (конфету).
 В деревню Кашивка, Ковель, Украина

№ 765 Жду скорого отвиету
 як воды в гараче (жаркое) лето.
 В деревню Охово, Пинск, Украина

- № 279 Жду ответа как соловей лета.
 [Широко распространено повсюду.]
- 1-й вариант:
 Жду ответа как соловей лета.
 Соловей радыв летом,
 а я твоим ответом.
- 2-й вариант:
 Жду ответа как босый лета.
 Без указания адреса
- 3-й вариант:
 Жду ответа как соловей лета.
 Соловей в гаю,
 а я в далекому краю.
 А соловей каже: тьох тьох
 а міні котяця (катяться) сльози як той горох.
 Деревня Посухив, Каменець-Подольск, Украина
- № 843 Жду твого ответа,
 як мір – спокою, а птиці – лета.
 Деревня Слобидка Щербинска, Бар, Украина
- № 194 Жду ответа как кунца войны.
 Мотоль, Пинск, Украина
- № 1081 Жду ответа,
 як соловей лета.
 Соловей лета, щоб співати,
 а я жду листа від вас,
 щоб читати.
 Деревня Пулянци [Полянці?]
- № 683 zdiom otweta
 jak solowej leta
 i zdiom otkrytok
 jak maty ditok.
 (ждём ответа
 як соловей лета
 и ждём открыток
 як мати диток).
 Деревня Безхлебици, Пинск, Украина
- № 621 Жду ответа
 как соловей лета.
 Соловей на Україні,
 а ми на чужині.
 Из одного лагеря в другой

- № 880 Жду ответа
Як соловей лета,
Соловей на калині,
а я – на чужині!
Подолія, Україна
- № 986 Ожидаю ответа
как соловей
своих деток.
Полевая почта. Белоруссия
- № 463 Жду ответа
как соловей лета,
соловей лета – полетать,
а я – ответа почитать.
Из одного лагеря в другой
- № 620 Жду ответа
як українська ласточка лета.
Из одного лагеря в другой
- № 728 Жду ответа
як зозуля лета,
зозуля ни дождеться лета,
а я ад тебе ответа.
Из одного лагеря в другой
- № 648 Ой летіла зазулінка
І усіла в ячмене,
Прошу тебе ты, Восілько,
Дай ответ для мене.
Почта Кобрин, Україна
- № 701 zdu skoraho otwieta
jak sakulka lieta.
(жду скорога ответа
як соколица лета).
В Корсунь, Брест-Литовск
- В ту же деревню, от другого отправителя:
Dożidaju otwieta
jak sokolka leta.
(Дожидаю ответа
як соколица лета).
- № 599 Жду ответа
як пташка лета.
Деревня Горново, Пинск, Україна

- № 732 С нетерпением жду ответа
и хорошего совета.
В деревню Липники, Кобрин, Украина
- № 947 Прошу скорого ответа
и хорошего совета.
Деревня Козелово, Пинск, Украина
- № 778 Жду ответа
как из рожы (розы) цвета.
В деревню Липовка, Кобрин, Украина
- № 942 Жду ответа
с наступлением лета.
В деревню Луни, Пинск, Украина
- № 933 По немецку не умею,
а по руску напишу,
много спрашивать не буду,
а ответа попрошу.
Деревня Новые, Дрогичин, Кобрин, Украина
- № 708 А ты лети лети листок
На край света,
одкуль жду ответа.
Давидгородек, Украина
- № 624 Лети, моя отрада,
Лети, горячий мой привет,
Лети туда, куда мне надо,
Откуда будит мне ответ.
Из одного лагеря в другой
- № 191 Я ожидаю од тебя писма как старык, которы не имеет свойво
прытулку, ходзит од хаты до хаты по кусок хлеба и ожидает ска-
рей смерци, так я ожидаю од цебя писма.
В Люминец, Пинск, Украина
- № 602 Шлу я вам розу,
а вы мні букет.
Лубіте чи не лубіте,
а даіте ответ.
Пинск, Украина

1.2.3. Прошу вас меня не забивати...

- № 733 Привет усим, усим, кто есть у хати
и прошу вас миня не забувати.
В деревню Тышковичи, Пинск, Украина
- № 496 Англия, Америка, Германия, Китай,
В какой стране будешь,
меня не забывай.
Из одного лагеря в другой
- № 849 Америка, Африка, Индия і Китай –
прошу, дорогая Галечко, не забывай.
Без указания адреса
- № 1145 Згадай мене, рідна сеструню,
Хоч тиждень у вівторок,
А я тебе згадувати буду
на день разів сорок.
Деревня Корытне, Каменец-Подольск
- № 1304 Тихо, тихо у кемнаті,
Тільки я один сіжу
Нахилившись над папером
Я листа тобі пишу
Скажи мені, моє серце,
Як тобі жевеця,
Чи згадаеш ты за мени
Як вечир почнеца?
А я тебе моє серце,
День и ніч гукаю
Та біленьким платочком
Сльзи утираю.
Тебе я часто споминаю
И буду довго споминать.
Пишу я верно (правду) odkриваю,
Прошу мінія не забивать.
Библис у Вормса, Кальшинахия, Лагерь [G. H. ?]
- № 1256 Повій, вітре буйнесенький,
з гори у долину;
Споминай мене, мій миленький Игнаточку,
Хоч раз на хвилину,
Бо я тебе споминаю
Сто раз на годину.
Ой, у саду черешенька біла розцвітає,

Десь мій милий Ігнаточко
Мої листочки читає.

Деревня Берёза, Кобрин, Україна

№ 1258

Повеж, кусточок,
Зроби холодочок;
ох, приєдь, Маруська,
Хатя на один часочок.
Ох, зелені кусточок
да вжеж развивацца,
ох, тибя ж, моя дочечка,
весь род дожидацца.
Бо куде зозулька,
соловейко свище,
а тебе, дорогая сестрица,
кругом мама ище.

Пинск, Україна

№ 1016

Ой зацвила сина квітка
В зелени лішчіні
Ой напиши ми, сестричко,
Листочок до мене.
Іди, листочку, гором-лісом,
нігде не спинися,
Лите в мої сестрички
Незенько вклонися.
Як прийдеш під ворота,
Встанеш як сірота.
Як вийдеш до хаты,
Будеш сестричку випитаты;
Як сидит на лужку,
То подай їй ручку;
Як сидить на кресельце,
Развесели серце.

Деревня Чецепнилавы, Лемберг (Львов)

№ 1109

Коли буде скучно,
Буде сумувати,
Не забудь до мене
Листа написати.
Згадай мене, Ганю,
в сінях на порозі,
А я тебе згадую
в далекій дорозі.

Деревня Кавченцы, Летищев, Україна

№ 959

Шоби ті гори перейти
і ріки переплисти,

льіше би було говорити,
ніш писати листи.
Кукала зазуля (в) зеленім ячмени
кидай серденько моє всю роботу,
пиши лист до мене.

Из одного лагеря в другой [отправитель из Галиции]

№ 757

Я пишу, а ты читаешь
Верно знаешь от кого.
Дорогой ты мой Володя,
Как живешь ты далеко!
Свеча догорает,
кончаю писать,
А сердце тоскует,
Хочу увидеть.
Получишь письмо, не прими за труда,
сядь и напиши на ответ моего письма.

Лунинец, Белоруссия

№ 1045

Леци, мой листок, леци, не хилися,
залечи куда дано, Мани укл(о)нися
Мани уклонися,
назад воротися...
назад воротися,
скажи мне словами,
чи Маня е, чи будь вдома разом миж нами?
Як немая, не могу сказати
буду просити Мани писмом написати:
Будте добри в писмо напишите,
про своё життя всё расскажите
бо наши життя Вам уж ведома –
где не живи, а лучше у дома.

Деревня Стыгин, Брест-Литовск, Украина

№ 205

Я вже глаза порвала,
ожидаючи листа.

Без указания адреса

№ 276

Дівчата отримують листи (получают письма), а я на кулаки очі
втираю.

Без указания адреса

№ 1234

Наденько, мой цветок майови,
Моя милая Наденько!
Через далекий свет
передаю свой пламенный сердечный привет,
Через високую браму

подала б руку,
да не достану.

Деревня Оздамиче, Столин, Украина

№ 1080 Тату, чи ви мане згадасте хочи раз на годину (вспоминаете ли меня хоть раз в час), бо я вас згадаю сім раз на хвилину (семь раз в минуту).

На хутор Мазовы, Киев

№ 1105 Тепер прийде яке свято (праздник),
сядеш край віконця.
Будеш мене виглядати
Як з-за хмари сонця.

Деревня Попова, Округ Славута, Волиния, Украина

№ 471 Писать красиво не умею,
а как умею, так пишу,
ответ давать я не заставляю,
а если можно – то прошу.

Из одного лагеря в другой

№ 600 Писав я некрасиво,
Писма я не вкрасу (не украшу),
всего хорошего желаю,
отписать письмо прошу.

Деревня Стрыгин, Брест-Литовск

№ 489 Я пишу, а ты читаешь
Наверно знаешь от кого,
А сердцем бедным ты страдаешь
От племянницы далеко.

В Германию

№ 460 Пишу листа, а сердце бється
і кровь гарячая кипить,
моя душа до тебе рвется,
з тобою хоче говорить.

Из одного лагеря в другой

№ 185 szlu swój krywo pływuczu prywit.
(шлю свой криво пльвучу прывит).

В деревню Комарники, Пинск, Украина

№ 978 Затем, мой милый, досвиданье,
Писать я больше не могу.
При встрече первого свиданья
С тобою все поговорю.

Даю письмова досвіданье,
Желаю счастья для тебя.
Гуляй с кем хочеш, твоё дело,
Но не забывай, прошу, меня.
Деревня Чудовцы, Борисов, Белоруссия

№ 997 Прощу я тебя, Ваня, ни забудь ты миня,
Не забуду никогда я тибя.
Я тибя тогда забуду
як у могилу упустять миня,
а так повсегда я думаю и завшы (всегда) я плачу
и бог знае колы я тибя Ваня зобачу.
Деревня Челещевиче, Кобрин, Украина

№ 1012 Почему месяц на небу блукайе
и звезды так ясно горять,
тогда я про вас, родные, забуду
как буду в могиле лежать!
В деревню Кустовиче, Кобрин, Украина

№ 1061 Любить тебя я буду
хот живу я далеко,
но век тебя я не забуду.
Забыть тебя не так лехко.
Остарбайтер из Финляндии в Германию

1.2.4. Желая быть тебе счастливой...

№ 190 бувайте здоровы як вада, висели як вісна.
В Мозур, Вольния, Украина

№ 300 Щоб вы всі були живі, здорові й веселі: багаті як жнива, а здорові
як зима.
Костополь, Ровно, Украина

№ 288 Мені хочеться вас побачити, як в жару води напитись.
Деревня Сосцув, Пинск, Украина

№ 452 Кончаю писать,
ложуся спать,
я бажаю тебе у сні увідать.
Из лагеря в полевую почту

№ 227 Желаем усега хорошего у вашей молодой народно-русской ос-
вободительной жизни.
Деревня Запрудье, Минск, Белоруссия

Leci listoczek
 za ciemniенki lesoczek,
 za wysokije hory,
 k mileńkoj Nadzieńki w komory
 i pieredaj prywiet od moje lubowi,
 szto lublu i kochaju
 i nikoli nie zabywaju.
 Zawsiudy piszu i wspominaju,
 bo maju nadzieju w siercy siebja,
 tolki dumaju ob cieбja.
 I zaciem doswidania,
 miłyje sozdania,
 ożydaju skoroho otwieta
 i żalaju wam zdorowja na mnohije leta.
 (Леци, листочок,
 за тёмный лесочок,
 За высокие горы,
 к миленькой Надзейке в коморы
 и передай привет од моей любви,
 что люблю и кохаю
 и николи не забываю,
 завсюды пишу и вспоминаю,
 бо маю надзею в серци себя,
 только думаю об цебja,
 и зацем досвидания,
 милые создания,
 ожидаю скорого ответа
 и жалаю вам здоровья на многие лета).

Деревня Семигостыче, Столин, Украина

Скільки в морі – в океані
 Там на дні піску
 Стільки щасття я желяю
 На твоєму веку.

Деревня Броуне, Кобрин, Украина

Щоб ви були веселі як сонце,
 крeпкі як вода і багаті як земля!

Деревня Бесовочка, Каменец-Подольск, Украина

Чашечка, ложечка, алыи букет,
 Милая Муся, пишу тебе привет.

Из одного лагеря в другой

Я желяю, чтоб дни золотые
 Твоей юности в счастье прошли,
 чтобы годы твои молодые,
 не увяли, а только цвели.

И придет то счастливое время,
когда кончится война.

С тобой мы встретимся снова

И будим счастливы тогда.

Из лагеря в полевую почту N. (Norden?)

№ 729

Писать красиво не умею,
Ведь я не Пушкин, не Крылов,
А напишу четыре слова:
Живи, учись и будь здоров.
Желаю быть тебе счастливой,
Желаю горюшка не знать,
Желаю быть тебе красивой
И меня не забывать.

Деревня Хлопеничи, Минск, Белоруссия

№ 475

Добрый день моя дорога!

Як ти проживаєш?

Чи скучаєш ти за мною?

Чи вже забуваєш ?

Из одного лагеря в другой

№ 485

Пожелание:

Пусть жизнь твоя течет рекою

Среди цветущих берегов

И вечно пусть живет с тобою

Надежда правда и любовь.

Пусть так тихо цветет

Наша дружба с тобой

Как во рже золотой

Василек голубой.

Вино в бакале пей тогда

Когда оно играет.

Пока живется, нужно жить,

Двух жизней не бывает.

Пишу тебе рукой дрожащей,

Чтоб через много скучных лет,

от жизни краткой и мятежной

какой-нибудь остался след.

Если нам встретиться не придется

Если нам уж такая судьба,

Так пускай у тебя останется

Неподвижная подпись моя.

Сколько жизнь моя продлится

Не забуду я тебя,

В жизни все может случиться

Но не забудь и ты меня.

Когда в реке воды не станет,
На камне выростет трава
Когда помру, меня не станет,
Тогда забуду за тебя.
Вспомни, моя дорогая,
Вспомни те прежние дни,
Когда мы гуляли с тобою,
Гуляли до поздней зори.
Тепер мы с тобою растались
Не видим друг-друга давно,
Мы прошлое все позабыли,
Но я не забуду того.
Веселый час и боль разлуки
Хочу делить с тобой всегда,
Давай пожмем друг другу руки
И в дальний путь на долгие года¹.

Из одного лагеря в другой

1.2.5. Заместо марки – поцелуи жарки...

№ 966

Заместо марки
поцилуї жарки.

[Надпись на месте, где обычно приклеивают марку].

*Из лагеря иностранных рабочих в полевую почту севера
x[? -F. P. N]*

№ 500

Целую тебя сто раз,
поцеловала бы двести
но жаль, что не вместе.

Махново, Osiland

№ 693

Целую вас двяносто девять раз,
Целовала б еще раз,
да нету вас.

В деревню Бородице, Брест-Литовск, Украина

№ 977

Целую вас заочно тысячу раз,
еще бы раз,
да нет здесь вас.

Из одного лагеря в другой

¹ Последние четыре строки – несколько искаженная строфа из модной в 30-е гг. песни «Когда простым и нежным взором...»

№ 1087 Пиши, сестрица, письма –
я буду читать,
слова на бумажке
я буду целовать.
Деревня Стахане, Пинск, Украина

№ 810 Сейчас, мой братик, досвидание,
писать я больше не магу,
а когда встретимся с тобою,
тебя я крепко обниму.
Деревня Подбережье, Минск, Белоруссия

1.2.6. Роза для саду – а сестричка для меня...

№ 478 Першу розу я сорвала
і посилаю е тобі,
Не забудь моя подруга,
У далекій стороні.
Хай вона тебе вітає
і розкаже хай тобі,
хто тебе так уважає
У далекій стороні.
Коли сонце на небі погасне,
Коли буде горіти земля,
Коли зірок на небі не стане,
Тоді я забуду тібя.
Двічі на рік сади пишні та не процвітають,
Молоді роки в житті двичи не бувають.
Из одного лагеря в другой

№ 1065 Мисяць для ночі,
Сонце для дня,
Роза для саду,
А сестричка для меня...
Я иду, иду, иду,
Я люблю, люблю:
Люблю, не ошибаюся,
Я тебя люблю, люблю,
Я ден страдаю, ноч не сплю,
В тебя, видаг, серце беться болно,
потому что я твой брат.
Из одного лагеря в другой

№ 184 Дозволь дорогая сестра передать тебе свой пахучий, як роза, пал-
кий привет
Из одного лагеря в другой

№ 1003

Таня, сердце мое, рибко,
щось маю тобі сказати:
я бажаю тебе одну
У весь вік кохати.
а окошку стоїть роза,
Она красива, голуба.
Занімоймося листами:
Здравствуй Таня дорога.
Повер, что дважди два четьре,
Повер, что крутяться земля,
Повер, что есть любовь на свете,
Повер, что я люблю тібя.
В кінці греблі шумлять верби,
вітер їх колише,
Угадай, любя Таня,
кто це лист тобі пише?
Таня, я не прошу тебя любить,
на то я права не имею,
но еслі хочеш не забить –
вот все, что я сказать имею.

Из одного лагеря в другой

№ 999

Як би мені кінь сивенький,
я сіделце маю,
поїхала б я тудя,
де подруги маю.
Ой у полі
дві тополі,
їх вітер колише,
догадайтеся, подруги,
хто це до вас пише.
Люблю я вишню,
люблю я грушу,
люблю я Зоньку и Льонку
як свою душу.

Из одного лагеря в другой

№ 1011

Оля, тебя не разлюблю и не забуду,
Куда б не бросила судьба,
и вечно-вечно помнить буду,
что ты как роза хороша.
Трудно, трудно в синем море
мелких камышек искать,
Но еще стало труднее
мне без тебя, Олечка, гулять.

Деревня Лапичи, Бобруйск, Белоруссия

1.3. ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ И МЕСТА

1.3.1. Пишу я листочок не з рідного края...

№ 469

Іду гаєм зелененьким
в широкій долині,
Ой, Боже мій милосердий
вже третій рік в чулині!
Хочу гори перескочати,
Море переплисти,
Хоть би з Вами говорити
як писати листи.
Тай вітаюсь з Вами
Хоць не руками,
Тільки через лист –
Божими словами.

В Телесницю Санну, Краков

№ 1157

Привет з далекою Чехії!
Зачем еті гори високі,
Закривають восток золотої?
Зачем еті страны далеки
Разлучають Вас, родні, со мной?

Теофилполь, Каменець-Подольск, Украина

№ 1165

Лети, листоньку,
в мою сторінку,
впадь мому братоньку
тай на голивоньку.
Братік прочитавшу, сяде подумає,
добрими словами він мене згадає.
Хто цього листонька буде читати,
для моєї родини прошу передати.
Хай цього листочка вітер подвыває,
хай він на Україну видко залітає.
Хай мою родину він розвеселяє,
що я жива і здорова хай він сповіщає.
Скільки я вже пишу,
відповіді не має
і не знаю і бачу,
як моя родына проживає.
Чи моя родына мене забуває,
чи може віткриток моїх не получає.
Як я спать лягаю,
то Бога благаю,
щоб приснилось рідне село,
що я там похожаю.

Хоть еднесеньку хвилину в хати побувати
щоб з братами и братовою пару слов сказати.
А для дедушці старенького водици подати
і про здоровье тихенько спитати.
Чи прыйдеця повернутца и щасця зазнати
и в своїй хаті за столиком
свею семиною вечерать сядати.
Я живу самая далеко від роду,
не знаю і не бачу нікого, тільки одна Юзя,
вона моя і подруга, і сестра, і мати родна.
Хто будет читать,
прошу відповідь дати
и никогда меня не забувати.

В деревню Семёновичи, Пинск, Украина

№ 554

Пусть зори сияють на небе,
Пусть месяц блестит над рекой
Когда вже настане то время,
Что мы возвратимся с тобой.

Из одного лагеря в другой

№ 492

Когда в Росію возвратимся
Там по нову будем жить
Тогда, канечно, ласка ваша (от вас зависит)
Или забыть, или не забыть.

В Германию

№ 195

Skoro i dolho my nie budiem znati ty nas, a my tiebie ni slowom, ni
pismom, ni soncem, ni wietrom.

(Скоро и (на)долго мы не будем знати – ты нас, а мы тебе ни словом, ни
письмом, ни сонцем, ни ветром).

Деревня Волка Орея, Столин, Украина

№ 515

Может быть под елкою густою
Я родимый дом себе найду,
Распрашаюсь з горкою судьбой
И к вам я, может, больше не прийду.

В деревню Скаринки, Слоним, Белоруссия

№ 792

Быць может под ёлкой густой
Радзімой я домік сібе найду,
распрашчаюсь из горкой судзьбою
й большай я к вам не прыйду.
Пока досвіданя, кончаю пісаць,
а серцо страміца, штоб вас увідаць.

В Юндріловичи, Волковыск, Белоруссия

№ 523

Ой, як хочеться узнати
про край свій веселий,
Хоч би слово хто промовив
У край мені далекий.
Розкажіть хто про Україну,
Що діється там:
Чи там горе, чи там щастя,
Розкажіть хто нам.

Из одного лагеря в другой

№ 574

На память открытку писала,
як зорі на небі взійшли,
щоб ти, Ліда, добре знала,
де роки цвітучи пройшли,
А щастя розвивалось вітром,
як хмари осінньої пори,
Де наша молодоть вяне
щоденно в далекій, чужої стороні.

Деревня Аркадия, Брест-Литовск, Украина

№ 571

szlu wam przywet z dalokoho kraju,
hdzie ja zywu i swoje szczascie proklinaju,
szczo taka ja nieszczasliwa
wze druhi hod w proklatoj
hermanieji stradaju.
(шлу вам привет з далокого краю,
хдзе я живу и свое счастье проклиная,
шчо така я нещаслива,
вже други год в проклятой
германеи страдаю).

В деревню Тузы, Столин, Украина

№ 482

Когда прочитаешь ты эти строки,
Ты вспомни, вспомни обо мне.
Как поздно с тобой мы гуляли
Тихо ночной порой
За границей далёко, далёко
Получишь открытку мою.
Желаю вернуться на родину
и увидеть семейку свою.

Из одного лагеря в другой

№ 490

Живу среди людей я чужих
И неским скуки разогнать,
Нет таких людей как вдом[а]
Вечерок погулять.

Германия

- № 1013 Ты будь сестра моя родная,
Пиши всеіда письма и мне,
Бо знаеш жизнь моя какая
В чужой далекой стороне.
Без указания адреса
- № 474 дарю тобі открытку,
прошу її хранить,
вона тебе вспомнит,
як було жить
Из одного лагеря в другой
- № 1074 Спомню слова матириньские
Хмуривіе лица оцов (отцов),
То оны нас выпроважали в гирманию
к[ак] до гробу, живых митвицов.
Деревня Осиповичи, Брест-Литовск, Украина
- № 1268 Прощай кустики й березы,
Прощай чужой берлинский край,
Прощайте парки и кинофильми,
Прощай и ти, друг дорогой!
Из лагеря в северную полевую почту
- № 1188 Добрый день, мой родный,
возмите цэ на то внимание
що вжеш и Вылык день у нас
А вы ище в Германии.
Вже до нас бузьки прильтили
и нам звестия принысли,
що родных вы дожыдайте
Аж до будущий высны.
Уж в поли люды сиють
и много там мушин,
на люцкум поли то всё жито
А на нашому ячминь.
И так дывыса и дывыса,
А ячминь таки ны русте
наверно попар (пар) там вечный буде
Може хоч хто куня напасе.
Деревня Полкотыя, Пинск, Украина
- № 1251 В нашим лису зовзуля кувала
а я ею щырий привет вам, дедушка, передавала,
ох, дивлюсь я на море, на самый край:
Занисите, быстры фали (волны), привет в далёки край
дедушке од любимой его унуки Серафимы.
В Малую Вылку, Пинск, Украина

- № 1050 Як зозуля кує на вишні в маю
так я до вас, мої рідній, в чужом краю.
Деревня Городец, Брест-Литовск, Украина
- № 1201 На вербах солові та зозулі співають
І нас з усіх країв вони очікують.
Из одного лагеря в другой [в Норвегии]
- № 504 Пишу я листочок не з рідного края,
а пишу листочок там, де проживаю,
пишу я листочок не з рідного краю,
до тебе, сестричко моя, доріжки не знаю,
пишу я листочок не з рідного краю,
подала б ручку, так я не достану.
Марусечко, ой, скільки на небі тих зірок,
ой, скільки у морі песку,
ой, скільки ми горенька узнали
на своїм малім віку.
Из одного лагеря в другой
- № 587 Пишу письмо с чужого края
спишу обрадовать я вас,
Рука дрожа письмо писал[а]
и слезы капали из глаз.
Вокруг нас голод,
вокруг нас холод,
мысль сердца больгть.
Вокруг страна нам незнакома,
нас окружают облака.
Прошу ни плач, моя мамаша,
вед содба моя така,
если Богу вгодно будет,
то приеду до тебя.
В деревню Загорье, Кобрин, Украина
- № 585 Летить сокіл сизокрилий,
Крилами махає,
Передаю свій листочок
З далекого краю.
Як получу твій листочок,
не знаю як взяти,
із тієї радості
начала читати.
Як читала твій листочок,
в душі веселіло,
як скінчила твій листочок,
серце заболіло.

Серце само в грудях мліло,
а сліз не вийпити,
як то тяжко на чужині
сиротині жити.
Як то тяжко привикати
між чужими в чужині,
як то тяжко марнувати
молодії свої дні.
Встаю рано і лягаю
тебе, сестро, споминаю
і поки в світі жити буду
тебе, голубко, не забуду.
Як мені тебе забути,
ти ж з подруг найближче,
поговорим хоч листами
серцю моєму легше.
Ми з тобою проживали
як рідні сестриці,
та схотила лиха доля
всіх нас розлучити.
Ми привикли у чужині
тут же тоже люди,
та нехай же воріженькам
легше без нас буде.
Нехай вони веселяться,
що ми пропадаєм,
така наша гірка доля
Самі добре знаєм.
Згадай, сестро, як зійдемось
Про що розмовляєм,
чи то добре, чи не добре,
вороги не знають.
Згадай, сестро, дні веселі
як ми розмовляли,
згадай, сестро, понеділок,
як нас розлучали.
Як згадаю той понеділок,
то мліє серденько моє,
нема до кого прихилитись,
сказати горенько своє.
Тепер сиди за парканом
як пташка в неволі,
На що наше життя таке,
що не дав бог долі?
Дали такі черевики,
що ноги вривають,
нема сили їх носити,
та рідні не знають.

Но дасть бог силу, ми вернемось
із чужини в рідні край,
не забуду тих ніколи
хто мене не забивав.

Из одного лагеря в другой

№ 940

Ой лити ти, мій листочку,
горами – долами,
шукай мого батенька
між чужими краями.
Чорная землянько,
чого ти ся куриш (пылишься)?
Україно, Україно,
чого ти ся журиш (печалишься)?
Як же міні не журитись,
як вітер буйненький
Ой нема на Україні
людей молоденьких!

В деревню Яхнівци, Каменец-Подольск, Украина

№ 668

Не ожидаем тебя, Коля,
Не с работы, не с гульни.
А ожидаем тебя Коля
Из Германской стороны.
Письмо писать кончаю,
Прашу не уныват,
Всего хорошего желаем
И нас не забывать.

Деревня Лявково, Белоруссия

№ 1309

Серебрятся под снегом равнины,
С небо серого падает пух,
Шлю с России привет тебе, Нина,
Мой сердечный товарищ и друг!

Холопеничи, Минск, Белоруссия

№ 549

Я живу в этом длинном бараке,
Где кончается чорний забор.
Я живу в нужде и печали
И работать иду на завод.
Скоро кончу я строк той вербовки.
Разпрощаюсь с работой своей,
И в поезде в товарном багоне,
Я примчусь дорóгой домой.
Может, Бог даст, я домой приеду,
И заказывать буду я всем:
Не въезджайте в страну даже эту
Там ведь голодом морят всех.

Там живуть самі худші люди,
І жистокіє серцця у них,
Заставляють работати до ночі,
А кормити нет продуктів у них.
В Дрогичин, Кобрин, Україна

№ 1131

Літїт синичка
я їй пірікажую і перекажі,
найдьош в тїй країні
в німечині
в далеко скучні стороні.
Буду казати,
шчебетати,
листа писати,
моя сестра Поля буде получати.
скорей прївет присилати.
Втікає пядисятїй деньок
голосочка і словечка нема, не чувати (не слышно),
я хочу описати:
буде на старому місті працювати (работати),
до дому лісти часто писати,
про себи, про татуся ответ посилати.
Нам дуже цікаво (интересно) читати,
от вас листи получати.

Деревня Слободка Щербовецка, Бар, Україна

№ 559

Ідуть літа як хвилі в морі,
як вільний вітер в вишині,
сгінає молодість весела
в чужій Германській стороні.

В Вознесенск, Николаев, Україна

№ 538

(Г)де счастья развіялось вітром,
як хмарі в осінній порі,
І молодість вяне щоденно
в далекій чужій стороні.

Деревня Велька Микша, Каменец-Подольск, Україна

№ 556

Эх! Берлин, Берлин ты далекий,
Эх! Берлин – сплошные лагеря,
Ты отнял нашу жизнь молодую
И горячие наши сердца.
Тот, кто не был в Берлине далеко,
Ничего о нем не слышал,
Пусть считает себя он счастливым –
Мало горя он в жизни видал.

Из одного лагеря в другой

№ 476

Ище солнце не всходило,
Нам повестки принесли –
Соберайся вся молодеж
У Германские края.
Все печально зарыдали
Слизмы полные глаза
Все проклятая та доля,
До чего ты довела.
Не гулять нам как бывало
По украинских степях,
Наша молодость завяла
У Германской стороне
Досвидання, Украина,
Стоить поезд на пути
Досвидання, папа, мама,
Украинские степи!
Досвидання, братья, сестры,
Все знакомые друзья,
Может быть я не вернуся –
Досвидання навсегда!

Из одного лагеря в другой

№ 575

Любочка, коли б ти знала,
яке мені горе,
то ти б може плила
у синее море.
У синее море,
у бистрій ріки –
Погибну, подружечка,
Погибну на віки.

Деревня Пасьениче, Пинск, Украина

№ 546

Гірко жити без родини,
а ще гірше на чужині.
Немає з ким поговорити,
свого горя розділити.
Хто – повірить, приголубить?
Хто – промовить ласкаве слово?
О, ні!
Не дочекати (не дождатся) цього мені.
Всюди
чужі, лихі люди.

В деревню Зарудье, Сяслав, Украина

№ 1270

Из Французького дального краю
Шлю тобі я, родная, привіт!
Як живєшь ты, голубка родная,
Напиши поскорее ответ.

Я живу біля Германської границі,
Де кончається река Езель,
Я живу без печалі і горя
Добуваю вугілля (угля) стране.

Из одного лагеря в другой

№ 569 Выйди, Лидочка, пораньше
И послушай на заре,
Как я буду петь и плакать
На чужой на стороне!

Из лагеря в лагерь

№ 532 Померкло сонце,
Заходить луна,
Ой, смутна нам, смутна
Чужа сторона.

В деревню Парахонск, Пинск, Украина

№ 579 На чужині сижу, тай думку думаю:
Коли я вернуся до рідного краю,
Коли я віернуся до своей рідни?
Что я так далёко в немецькі сторони?
Тяжко працювати
Навет (даже) нима часу листа написати.
Напишу я листа,
что я ище жива,
а мати думала,
чтоя вже помирла.
Стану я раненько, стану на порзи,
(В) мою сторононьку видно три дорози.
Тими доріжками поїзд проїзжає
там моя матинька, там моя родная
за мною впливає (млеет, тоскует).

В Брест-Литовск, Украина

№ 534 Про жисть свою пишу такє:
не те, не се
а жовтим несе.

(или:)

Про жизнь пишу такє:
синім цвете,
а жовтим несе.

Пинск, Украина

№ 539 Роблю, не горюю,
Хліба не купую,

Гроші получаю,
На пиві пропиваю.

Деревня Великий Ченятин, Каменец-Подольск, Украина

№ 541

Я жив і здоров,
Без рубашки, без штанов.

[Изредка встречается дополнение:]

Без рубашки, без фуражки,
А на ногах – деревяшки.

Без указания адреса

№ 530

Колись (когда-нибудь) в наше оконце
Загляне сонце.

Всему є начало и конець!

Деревня Михайловка, Проскуров, Украина

№ 511

Звук мужицкой грубой речи,
Ржанье, шопот, рёв коров,
Запах хлеба русской печи
Я хочу почуть вновь.

Из лагеря в Германском рейхе в Норвегию, в лагерь

№ 507

Пиро вы руци (в руке) заскрипело,
срце (сердце) кыровью впило,
горко сылѣзамы залилас,
як вызнала, что зыробилос у вас.

В деревню Охово, Пинск, Украина

2. НАДПИСИ НА ФОТОКАРТЧКАХ

№ 658

Дарю навечно
храни сердечно

Из одного лагеря в другой

№ 618

Міля моя дорогая,
Храни эту открытку і сохраняяй,
А мене, молодого Яшку,
тепер не забувай.

Из одного лагеря в другой

№ 1174

Взгляни на подарок,
Вспомни обо мне,
Вспоминай о жизни
На чужой стороне

Из одного лагеря в другой

- № 990 Сейчас живем с тобой в разлуке
И ты забудешь про меня.
Возьми эту открытку в руки
И вспомни, кто была «Я».
Полевая почта
- № 996 Прошу, хорони, не терай,
Люби, не забывай.
ету карточку и мене схороняй.
В деревню Хамищице, Кобрин, Украина
- № 1209 Быть может волны света
Умчат меня куда нибудь,
Тогда пусть хоть фото это
Напомнит слово «не забудь»
Быть может волны света
Умчат меня же навсегда,
Тогда прошу тебя, милая Оля,
До гроба не забыть меня.
Полевая почта
- № 646 Желаю быть тебе счастливым,
Желаю горести не знать
Желаю быть всема любимым
И кто дарил – не забывать.
Из одного лагеря в другой
- № 632 На праці у далекому краю
Я дарю тобі на память фотографію свою,
Ни краса тут згадується, а тоска за рідній край
Я дарю тобі на память, а ты, Маруся, зберегай.
Из одного лагеря в другой
- № 1291 Вспоминай меня в нещастии и гори
Вспоминай меня в жизни всегда,
Среди полей летнего время
Вспоминай Германию и меня
Дрогичин, Кобрин, Украина
- № 973 В ответ на сердечный братский привет,
Я шлю тебе свой портрет.
И в жизни твоей, борьбе
Желаю счастья как себе.
Храни и не теряй,
Когда нибудь упоминай
Полевая почта [Белоруссия]

№ 1250

Пройдут года,
И может быть случайно
Взглянешь на образ мой
И вспомнишь прежнюю пору,
И станет жаль, что снова не вернется
И с глаз своих смахнёшь рукой слезу!
Оля! Никогда ты не плачь, не рыдай.
А всегда веселись и гуляй.

Полевая почта

№ 613

Не грусти о цветах оцветающих,
Они снова весной расцветут,
а грусти о годах пролетающих,
Они больше к тебе не придут.

Из одного лагеря в другой

№ 611

Сваточки дарю откри(т)ку
Прошу ей не рвать,
она тіба научіт
як сватів вспоминать.
Сваточки!!! На память я писала,
як зорі на небі цвіли,
щоб ви, сваточки, знали,
де роки щасливо пройшли,
де щастя розвіяла вітром
як лисття в осінній порі
Де молодось в'яне щоденно
в далекій чужій стороні.
Сваточки роза, сваточки цвет,
сваточки розовий букет,
под букетом можна спать,
сваточків в губки цилувать.

Из одного лагеря в другой

№ 610

На щирю згадку (на добрую память) підписала,
як зорі на небі зійшли,
щоб знав вірній братічок Коля,
де роки щасливі пройшли,
де щастя розвіяло вітром,
як листя в осінній порі,
де молодість в'яне щоденно,
в далекій чужій стороні.

Из одного лагеря в другой

№ 609

Вспомни, как жыли, как горе делили,
плохо питались, хотели домой,
Вспомни тревогы, незгоды й печали,
А все это данно судьбой.

При дальней розлуке в память юнных дней
дарю фото другу наилучшему из друзей.

Если нравится храни,
а не нравится – порвы.

Из одного лагеря в другой

№ 472

Дарю не для мгновенной славы,
для развлечения и забавы,
Для искренних друзей
любимой Дашеньке своей!

Из одного лагеря в другой

№ 465

Колись на довгій ниві
В майбутньому житі (в будущей жизни)
Згадаєш, сеструню Манько,
Як ми с тобою жили.
Сію, сію виноград,
Кого люблю, тому рад,
Кого люблю – поцилую
І карточку подарую
Красну розу я зломала
Слоза капнула на грудь,
Я здохнула і сказала:
Маня, Насці не забудь.

Из одного лагеря в другой

№ 797

Два сердца – один тук
Люблю тебя, мой верный друг;
Кого люблю сердечно,
Тому дарю навечно.
Кого люблю,
Тому дарю.
Люба плюс Оля – друзья
Их разлучить нельзя.

Из одного лагеря в другой

№ 698

В час досуга
вспомни друга.

В деревню Блуден, Брест-Литовск, Украина

№ 699

Если будут тяжкие минуты
и на сердце тоска,
То взгляните на эту карточку,
Тогда вспомните меня.

Село Лозинце, Кобрин, Украина

- № 788 Ландыш белый серебристый –
На заре ево сорву.
А для памяти любезной
Фотокарточку дарю.
Из одного лагеря в другой
- № 870 Быть может я уеду,
быть может умру.
На память оставляю
я роспись свою.
Винница, Украина
- № 1255 Коли умру, коли зів'яну,
Коли в холодни гроб піду,
тоді любить тебе ні стану
тепер люблю люблю люблю.
Люблю тібя, любіть я буоу
сіюгодні, взавтра і всігда.
Тібя повек я не забуду.
Не забувай і ти меня.
Повер, що дважды два – чотири,
повер, що кружиться земля
повер, що есть любов на съвете,
повер, що я люблю тібя.
Лето скоро відь настанет,
юность скажет, что люблю,
больше пісать тібе ні стану,
Лиш поставлю букву «Ю».
Сиверце, Холм, Украина
- № 964 Может когда-нибудь среди бумаг покрытых слоем пыли,
Найдешь ты мое фото и вспомнишь где мы были!
Из одного лагеря в другой
- № 969 Роза и фіалка –
это два цветы,
а дви зозуленьки –
это я и ты.
Лучче вспомнить и посмотреть,
чем посмотреть и вспомнить.
Из одного лагеря в другой
- № 982 Если жить нам вместе не придется,
Если судьба уж так жестока,
То пускай на память остается
Неподвижная личность моя.

Если дружишь, то храни,
А не дружишь, то порви.

Полевая почта

№ 667

В великій неволи
В далоким краю
На вечную память
Я фото дарю.
Для життя в Германіи,
В далеким краю,
Даю я на память
Фотографію свою.
Не краса тут згадазца –
Тоска за ридній край.
Дарю тобі, Гриша,
А ти сберегай.

Из одного лагеря в другой

№ 1252

Гляню на сонце – сонце горить,
Вспомню про родину – серце болить.

Морозовиче, Пинск, Украина

№ 696

Таня рожа, Таня цвет,
Таня розовый бекет.
Таня пташычка в рау,
Прышли карточку свою.

В деревню Почапово, Пинск, Украина

№ 755

Когда придется нам розтаться,
Когда скажу тебе прощай.
Когда із глаз слоза польется,
О, мілая Муся, не забывай.
Между многіми друзями
Ти можеш міня позабить,
Но за эту открытку
будіш помніть и любіть.
Повер, что дважди два чєтыри,
повер, что кружитця земля,
повер, что єсть любовь на свете,
повер, чтоя люблю тібя.
Спишу тебе поздравит
И щастя пожилать,
А к этому прибавить
Сто раз поціловать.
Люблю сердечно,
Дару навечно.

В деревню Мельники, Холмского района, Украина

3. АЛЬБОМНЫЕ СТИХИ В РОЛИ ПОЧТОВЫХ СТЕРЕОТИПОВ

- № 1064 Люблю тебя как Ангел Бога,
Люблю тебя как птичка лес.
Твоя горячая улыбка
Мне никогда не надоест.
Из одного лагеря в другой
- № 1067 Любовь есть чудный дар природы,
И без нее нет цели жить,
Любовью дышат все народы
Позвольте вы мене любить?
В Финляндию
- № 1038 Любовь – это бурное море,
Любовь – это злой океан,
Любовь – это слезы и горе,
Любовь – это только обман.
В Норвегию
- № 1019 Пусть вечно жизнь тебя ласкает
Как мать – любимое дитя.
Пусть вечно горести не знает
Твоя невинная душа.
Из одного лагеря в другой
- № 625 Що дарить тобі не знаю,
Ти починаєш тільки жити.
Жилаю быть тобі щасливою,
Хороших мальчиков любить.
Из одного лагеря в другой
- № 1054 Вова – роза, Вова – цвет,
Вова – розовый букет.
В букете можно спать,
Крепко Вову целовать
В деревню Дрогичин, Кобрин, Украина
- № 961 Люся, роза
Люся, цвет
Люся, розовый букет
Люся, лента голуба
Люблю, Люся, до нельзя.
Люся + Лена = друзья.
Из одного лагеря в другой

№ 1137

Маруся роза, Маруся душака,
Маруся пухова подушка,
на подушкі буду спать
і сестричку вспоминать.

В Великий-Чернятин, Каменець-Подольск, Украина

№ 1180

Sorwu Ja tri rozy
I zdelaju buket,
celuju alye hubki
I szlu Tiebie prywiet.
Ja zdielaju buket
Z trzech pachucznych roz,
szlu Tiebie dwesti pozelujew
I sto haracznych sloz.
(Сорву я три розы
И сделаю букет
целую алые губки
И шлу Тебе привет.
Я сделаю букет
З трех пахучих роз,
шлю тебе двести поцелуев
И сто горячих слёз).

В деревню Дубой, Пинск, Украина

№ 1220

Тетя – роза из Китая,
Тетя – ландышь из ручья,
Тетя – ты моя родная,
Не забудь жеж меня.

Брест-Литовск, Украина

№ 1221

По лесу хожу,
Розы зрываю,
Но тебя, сестричка,
никогда не забываю.

Лунинец, Белоруссия

№ 1293

Красну рожу (розу) я срываю
И на памет вам дару,
И слубовю посылаю
И забыт вас ни магу.

Деревня под Каминицке (?), Брест-Литовск

№ 1005

Хоть мало с тобой я встречался
И мало с тобой говорил,
Но за это короткое время
Я крепко тебя полюбил.

Германия

- № 1173 Зина – роза из Херсона,
 Зина – лондонский цвiток,
 Зина – бабочка ночная,
 Зина, я люблю тибя.
Из одного лагеря в другой
- № 1303 З – есть буква золотая,
 И – есть радость для меня,
 Н – вовеки не забуду,
 А – люблю, люблю тебя¹.
Бобрыйск, Украина
- № 1265 Алий цветочок,
 білая грудь,
 Милая Варя,
 мене не забудь.
Из лагеря в лагерь
- № 1290 Женю, цветы и цветы как роза,
 цветы, не унывай,
 в каком краю не будеш,
 Меня не забудай.
Из лагеря в лагерь
- № 1171 Я не Пушкин, не Крылов,
 Не могу писать стихов,
 но одно лишь напишу,
 что я Зиночку люблю.
Из одного лагеря в другой [Херсон ?]
- № 1167 С – я букву уважаю.
 Т – я пламенно люблю.
 Е – я часто вспоминаю.
 Ф – я любить буду до гроба.
 А – забыть я не могу.
В село Перекрестье, Пинск, Украина
- № 1049 Дарю тебе корзиночку,
 Она из алых роз,
 А в той карзинци
 Поцелуйчик и пяць горячих слёз.
В деревню Холофия, Барановичи, Белоруссия

¹ Начальные буквы каждой строки этого стихотворения, прочитанные сверху вниз, открывают нам имя адресата – Зина.

№ 491 Это роза цветок,
 Это тоже любовь,
 Роза в год один раз расцветает.
 Полюбить горячо, полюбить всей душой
 Один раз в жизни бывает.

Германия

№ 462 Рости, цветы як мак шовковий
 Незная горя и нужды.
 Пусть все любятоя тобою,
 Не обращай на ето ти (внимания).

Из лагеря в лагерь

№ 479 Дарю на память эти цветочки
 прошу їх не рвать,
 Оні тебя научут
 Как всех уважать.

Из одного лагеря в другой

№ 1248 Люблю я цветы полевые,
 Они украшают поля,
 Люблю я глазки карые –
 Они увлекают меня.
 Пусть так тихо цветет
 Наша дружба с тобой,
 Как во ржи золотой
 Василек голубой.

В деревню Леликово, Кобрин, Украина

№ 878 Писаць пісем я няумею,
 Альбома красіць німагу,
 жалець (любить) я вас буду
 Пока у магілу непойду.

Минск, Белоруссия

№ 1211 Писать много не хочу,
 Тратить слов не буду,
 Два слова напишу:
 Люблю и не забуду ...

Давидгородек, Пинск, Украина

№ 1125 Скорее гора с горою сойдется,
 Источник высохнет до дна,
 Скорее покойник рассмеется,
 Чем забуду я тебя!!!

Село Добруша, Псковская область

№ 455

Я кохаю тебе як кохала цвіток,
як кохав блідний місяць русалку,
я кохаю тебе як ніхто не кохав —
Безнадійно так широко і палко.

Из лагеря оstarбейтеров в полевую почту

№ 1120

Незабутку я сарвала,
Слеза капнула на грудь.
Я заплакала і сказала:
Ніна, Ніна, не забудь!
Незабудочка цветочок,
Незабудочка трава,
Не забудь ты меня, Ніна,
Не забуду я тебя.

*Село Шопа, Район Холопеничи, Минская область.
Белоруссия*

№ 1205

У меня под акном разцвелася сирень голубая,
но сестрички своей
не дождусь поскарей,
Пролетела пора золотая.

Деревня Малорыта, Брест-Литовск, Украина

№ 1073

За твою чудную улыбку,
За твои голубые глаза
На небе ангелы дерутся,
А на земле страдаю я

Финляндия

№ 1288

Когда погаснут все вулканы,
Когда згорит уся земля,
Когда на небе звезд не станет,
Тогда забуду, браточок, тебя.

В деревню Пекачи, Кобрин, Украина

№ 1295

Долго, долго ты пробудешь
В пылком сердце у меня,
Может ты меня забудешь,
Но не забуду я тебя.
Не забывай, я не забуду,
Куда не бросит нас судьба,
Везде и всюду помнись буду,
Что ты подруга мне была.

F.P.N. (Полевая почта?)

№ 1287

Роза вянет от мороза,
Роза вянет от дождя,

Но мой братишек Леня
Не завянет никогда.

Из одного лагеря в другой

№ 1159

Когда в реке воды не станет,
на камне вырастет трава,
когда луна светить не станет,
тогда забуду я тебя.

Из Норвегии в Германию

№ 1241

Светить солнце у оконце,
А мене однак темно,
выйду, гляну, зажуруся,
что Ваничка далеко.
Я люблю такое время,
Когда ягоды цветут,
Я люблю такое имя,
Когда Ваничкой зовут.

Из одного лагеря в другой

№ 501

Время плывёт как вода,
Уходят быстро дни и года.

Кобрин, Украина

№ 505

Нет веслоси и радости в жизни,
Нет любви, какая была.
Всё прошло, лишь одне вспоминаня
И черная страшная мгла.

Деревня Шаслучно, Брест-Литовск, Украина

№ 1154

Наша юность точно поѣздъ,
Но есть разница одна:
Поѣздъ мчится, воротится,
Наша юность – никогда¹.

Из одного лагеря в другой

№ 586

Юные годы, милые дни,
Быстро [Быстры] как ветер они.
Будишь далеко, вспомни, мой друг,
Юные годы, милых подруг.
Не верь, что дважды два четыре,
Не верь, что движется луна,
А верь, что есть одна любовь на свете,
А верь, что я люблю тебя.
Наша юность точно поезд,
Только разница одна:

¹ Текст примечателен употреблением «ятей» и твердых знаков. См. также № 1134 на с. 109.

Поезд мчится – вернется,
Наша юность – никогда.

*Ф.Р.Н. (Полевая почта ?) в село Букитово, Слоним,
Белоруссия*

№ 456 Згадай свої юные дні,
Згадай свої юные годы
Пройдут вони ведь незаметно,
Назад не вернуться они.

Из одного лагеря в другой

№ 577 Люби свои юные годы,
Люби свои юные дни.
Они пролетят незаметку
И больш не вернуться они!

Из одного лагеря в другой

№ 544 Не жалеюсь за цветами – розами
Весна прыдѣт – они зацветут,
Но жалеюсь за прошлыми годами:
Они больше к нам не прыдуть.

В деревню Немировка, Каменец-Подольск, Украина

№ 493 Пад вечир сонечко сідае
И ясній місяц за гаса (загасает)
А наша молодост проходе
Як вечер погаса(ет).
Алеж (однако) на утро сонце (в)сходе
Изнову день цвіте,
А наша молодіст проходе
и вже не оживе.

Германия

№ 595 Тихо колышутся травы,
Тихо плывут облака,
Тихо пройдут наши годы,
Тихо настанет пора (здесь: время старости или смерти).

Хлопечичи, Минск, Белоруссия

№ 570 Заря моей жизни
Давно вже взошла,
Но счастья в жизни
Она не дала.

Город Верхнеднепровск, Украина

№ 1170 Моя душа к твоей стремица
и, может быт, когда нибудь

Вона с твоей сойдѣца
как две дорожки в одну путь.
В деревню Нагорье, Кобрин, Украина

№ 1245 Моя душа к тебе стремится
И, может быть, когда-нибудь
Она с твоей соединится
Как две дороги в один путь.
Пусть так тихо цветет
Наша дружба с тобой
Как во ржи золотой
Василѣк голубой.

Осиповичи, Белоруссия

№ 1243 Ты процвитай как цвет у поли
не зная горя и нужды,
пусть все любующа тобою
и не срывают как цветы.
Цветы сорвут, потом их бросят,
но ты не дай себя сорвать:
скоро и я вернусь до дому
и вдома (дома) будем процвитать.

В деревню Пикачи, Кобрин, Украина

№ 1247 Иди по узенькой дорожке,
Иди, не унывай.
В какой стране не будеш,
Меня не забывай.

Полевая почта

№ 1296 Ах, зачем еті гори високі,
Ах, зачем ето свет голубой,
Ех, зачем еті страни дальокі,
Ех, зачем розлучілі меня с тобой?

Деревня Оза, Брест-Литовск, Украина

№ 1134 Пускай жизнь течетъ рѣкой
Среди германскихъ береговъ;
Пускай живетъ вмѣстѣ съ тобой
Надежда, вѣрность и любовь¹.

Из Норвегии в Берлин

№ 498 Живи, лови минуты счастья,
Они порою хороши,
Не узнавшись человека,
Не отдавай своей души.

Из Финляндии в лагерь в Германии

¹ Текст примечателен употреблением «ятей» и твердых знаков. См. также № 1154 на с. 107.

- № 744 Быть может волны света
Умчат тебя куда нибудь,
Тогда тебе открытка эта
Упомнит слово «не забудь».
Финляндия
- № 1021 Вода размывает два дуба,
Но корни их вместе растут.
Судьба разлучила два друга,
Но сирца (сердца) их вместе живут.
Кобрин, Украина
- № 1033 Stojali u poli dwa duba,
da pidmila jich woda,
jak zila sestra z bratom –
rozluczila nas dalnia storona.
(Стояли у поли два дуба,
да пидмила йих вода,
як жила сестра с братом –
розлучила нас дальня сторона).
Деревня Марикевичи, Пинск, Украина
- № 1219 Мама, на прощальный денёчик
я дару тебя платачик
Белинич, Могилёв, Белоруссия
- № 688 Сколько зорочок на небе,
сколько рыбок есть у воде,
сколько щастя є на свете,
все желаю я тебе.
Деревня Видзибор, Пинск, Украина
- № 833 Колькі у моры-акіану
є на дніе песку,
толькі жычу дорогой Родзіні (сьме),
щчасця і здорovia у вашом веку.
В деревню Воронье, Столин, Брестская область
- № 1210 Ворони литяць,
крилами лопотяць,
а сердце важи мать
родну увидать.
В деревню Яр-Кчиковецкий, Каменец-Подольск, Украина

4. ЧАСТУШКИ В РОЛИ ПОЧТОВЫХ СТЕРЕОТИПОВ

- № 1218 По садочку я ходила
Птичка села мне на грудь,
Птичка села и запела
«Жора, Надю не забудь».
Из одного лагеря в другой
- № 1097 Бывает речка высыхает,
а окиян то никогда;
может ты, сестро, забудиш,
я тибя то никогда.
Юхновичи, Пинск, Белоруссия
- № 1178 Незабудочек цветочек,
незабудочка трава,
Незабудем вас, подружки,
незабудем никогда.
В Янов, Пинск, Украина
- № 1217 Лезу лезу на березу –
ах, какая высота!
Посмотрю я на Марусю –
ах, какая красота.
Пинск, Украина
- № 1197 Тече річка під горою
у ній чистая вода,
я свою рідную мамусю і сестричку
низабуду нікогда.
В деревню Рудковци, Бар, Подолия, Украина
- № 1190 Заунывный ветер воет,
Тихо ветки шевелит.
Про тебя, моя милая,
никогда мне не забыть.
Деревня Кубельшино, Пинск, Украина
- № 1110 Отбилась од роду,
Як той камінь у воду.
Упав кмінь та й лежить,
На чужині горе жить.
В деревню Шафова, район Дунаевцы, Каменец-Подольская область, Украина

- № 468 Досвідання Маня скаже,
а на серці камінь ляже.
В Валаву у Пржемесля, Западная Украина
- № 1092 Высоко я, високо
Лесницю поставила,
далеко я, далеко
Радню свою оставила.
Деревня Размерки, Брест-Литовск, Украина
- № 1102 Не пой, не пой соловейко
зраня на заре,
Не додавай серцу жалю,
Бо я в дальней стороне.
- № 1069 Я с малиновой коробки
заварила чай,
письма дроблечке писала:
«милий дроля, не скучай»
Деревня Кузнечково, Опочка, Псковская обл.
- № 1246 Играй, играй гітара,
играй, ніе утішай,
гуляй, гуляй Сірожа,
сістру Віеру ніе забывай.
В деревню Аркадия, Брест-Литовск, Украина
- № 1305 Дарагой братишка Коля,
Ты по нас не скучай,
Приходи частей на почту,
Наши письма получай.
Деревня Лявково, Белоруссия
- № 1141 Вітер віє, вітер віє,
Валки розбиває,
Моя мама на Україні
Слези проливає.
В деревню Полотница, Пинск, Украина
- № 526 Прошов годик, прошов годик
и совйала (завяла) вся трава,
не скучай, мой милой папа,
что не вижу я теба.
Уже сонечко заходит,
у садочку вже роса,
не скучайте обо мне, родны,
что вже год в дома мена нема.
В деревню Юзефин, Кобрин, Украина

- № 1098 Стоїть верба над водою,
на воду схилилась,
як мені тяжко по родині
що я разлочилась.
- Садила я вдома
квіти білими роками (руками),
поливає моя мама
дрибними сльозами.
- В деревню Косодужце (?), Ковель, Украина*
- № 458 Не качайся дуб зелений,
по зеленой же траве,
Не скучай, подружка Муся,
в чужой дальней стороне.
- Из одного лагеря в другой*
- № 1267 На столі стоїть чернило,
в йому два пира,
скажи, милая подруга,
с ким проводиш вечира.
- Из лагеря в лагерь*
- № 1206 Незнакомая постелька,
незнакомая кровать,
незнакомая девченка
приглашает (по)гулять.
- В деревню Клетшише, Кобрин, Украина*
- № 506 А дівочії молодії
веселії літа
як квіточка за водою
пливуть з цього світа.
- Из одного лагеря в другой*
- № 1312 Эх ты, Маня, – краса наша,
хуевая доля ваша.
Вышла замуж без матери и отца
Лапца дрица лапцаца!!!
- Вышла замуж, не пыталась
и з франзузом пое
Увы, знаете вы сами
як вам жить с цыганами.
- Из лагеря в Норвегии в лагерь в Германии*
- № 565 Уже пташенки щебечуть, соловйї поють,
моїму серцу жалю задають.
- В Волка-Дужу, Пинск, Западная Белоруссия*

№ 1292

Если-б были в меня серги,
Я б ходила бес платка.
Если-б была с той сторонки,
Я б спросила б про дружка.
Ох куда ж я залетела
В незнакомое село,
Меня здесь никто не знает
И я тоже никого.
Меня эта вечериночка
Нечуть не веселить,
Моя дальняя залётка
Сюда не прилетит

Деревня Лингели, район Бигосово, у Полоцка, Белоруссия

№ 548

На чужой сторонушке
Солнышко не греет,
Без вас, дорогие родители,
никто не пожалеет.

Без указания адреса

№ 545

Ой выйду на горбок
тай вороня крикну,
не тут я родилась,
не скоро привикну.

В деревню Дсвшки, район Шепетовский, Украина

№ 513

А куда я залетела,
А куда я забрела,
не в родимая деревня
без подруг гуляю я.

В Ветрино, Полоцк, Белоруссия

№ 524

Ох! куда я залетьела,
канарейка бойкая,
нье сама я залетьела –
доля моя горкая.

В Почапаво, Пинск, Западная Белоруссия

№ 509

Сяду, сяду на машину
дай склоню головку [головушку],
завизла меня машина
на чужу сторонушку.

На чужой сторонушке
солнышко не греет,
без лубимой мамочки
никто не пожалеет.

Выйди, мамочка, пораньше
и послушай не заре,
не твоя ли дочка плачет
в чужой дальней стороне?

Ой, машина ты, машина,
ой, куда ты завезла,
суда письма не доходят,
телеграммы – никогда!

Сяду, сяду на машину
да й склоню головушку,
завезла меня машина
на чужу сторонушку.

На чужой сторонушке
пташки не певают,
на чужой сторонушке
людьди оно плачут.

В деревню Заленьє, Кобрин, юго-запад Украины

№ 535 Ляжу спать на кровать
і накриюсь з головою,
а та оврушина [обрушина] хліба, що осталась,
ні дає спокою.

Без указания адреса

№ 568 Надоели мне байраки,
Надоели коенки,
Надоела жизнь проклята
на чужой сторонки.

Деревня Воронье, Пинск

№ 540 Надоїли мне бараки,
Надоїла мне біда,
А ще гірше надоїла
Із травною баланда.

Без указания места

№ 567 Куда солнышко заходит,
Туда клониця трава,
куда оком я не гляюну,
всё чужая сторона.

В Давидгородек, Столин, Украина

№ 561 Наша жизнь теперь разбита,
мы живем в чужом краю,
мабуть больше не вернемся
на Украину родну.

Из одного лагеря в другой

№ 558

Жив я буду – не забуду
как окопы я копал,
но ище я не забуду,
[як в Германію] попал.

Из одного лагеря в другой

№ 550

Дайте, дайте мне гармошку –
Я сыграю и спою,
Если жив я только буду,
В Руску армию вступлю

А по свету много птиц,
А девчат побольше,
Можно выставить шэлон
От Москвы до Орши.

Деревня Трояновское, Белоруссия

№ 542

Не тужи за мной, мамаша,
мне в Германии «на ять»
баландою нас годуютъ,
двухэтажная кровать.

Цветы вянуть от мороза,
а я вяну от журбы,
Як згадаю гро Украйну,
лезут косы с головы.

Не плачь, моя родная мать,
не плачь, не журися,
На фотокарточку на стини
як хоч, дивися.

Подивися, моя мати,
тай згадай про меня,
Як відбуду я свой строк,
до тебя пріеду!!!

Подолье, Украина

№ 531

Куда вітер дунет,
Туда хилиться трава,
Куди глянеш, та посмотриш –
Все чужая сторона.

Деревня Шайки, Брест-Литовск, Украина

№ 1055

Шила, шила я платочок,
Та не знала, кому дать
Ушов Ваня у солдаты,
Дала слезы утирать.

Утирайте, Ваня, слёзы
Щоб до дому не лились,
Забувайте карі глазки,
У кого ви влюбились.

Из одного лагеря в другой

№ 1046

Скоро скоро снег растая,
Скоро троняца лядок,
Скоро мы дамой уедзям,
Скоро кончыца гадок.

В Столин, Белоруссия

№ 1115

Синье морушко глубоко,
не видать у ньому дна,
доч од мамыньки далеко,
не видала года два.
Устань, мамо, рано вранци,
рано вранци до зоры,
тай послухай як я плачу
на угожой сторони (угожий – от удобный, ухоженный).

В деревню Камень Шляхетский, Кобрин, Украина

№ 1124

Выйди, выйди, моя Катя,
Погляди на белый свет.
Все подруги твои дома,
А меня одной нет.
Надоели мне бараки,
Надоели мне койки,
Надоело мне жить
У чужой сторон(к)е.

Не ожидай меня, Катюша,
Ни с работы, ни с гульбы,
А ожидай меня, Катюша,
С чужой далекой стороны.

Деревня Мотоль, Пинск, Украина

№ 1060

Чорні гори, сині хмари
до купи зійшлися (вместе сошлись),
ой як тяжко, ой як важко,
шо ми розійшлися.

Из одного лагеря в другой

№ 1192

Ох, как тяшко,
ох, как вашко,
эту розочку сорвать,

ох как тяшко,
ох как вашко,
про сестрицу забывать.

Полетиче, Украина

№ 503

Эх, літа мої молодії
бистро пролітають
очі плачуть, чорні брови
од вітру линяють.

Из одного лагеря в другой

№ 1175

Соловейко, рідний брати,
не кажи нікому,
що я, бідна, так страдаю
і хочу до дому.
Як побачи мого тата,
то скажи словами,
що я, бідна, гірко плачу,
всё вливаюся (обливаюся) сльозами.

Слобода Ялтушкив, Каменец-Подольск, Украина

№ 1002

Я любила тебя, дочинка моя.
Любить буду одна.
Пока у мори до дна
ни высохнуть вода.
Надоелы мне твои падрушки –
по гулицы ходиать.
Ветер веточу колишет,
Мне дочинки не видать.
Я думала – не заплачу
От розлуки никогда,
побижали мои слиози
как по зеркалу вода.
Стоит белая бероза,
Всем ветрам покорная.
Не бывает мое сердце
Никогда спокойное.
Бери, Таниа, карандаш,
Напиши и передаш.
Если спит, то не тревожь.
А на грудь еёой положь.

Деревня Липники, Кобрин, Украина